

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНЦЕПТЫ «ДОМ», «ДЕРЕВО», «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Волченко Алины Андреевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор С.А. Кошарная

Рецензент
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
О.А. Шкреба

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ	
1.1. Основные подходы к лингвистическому описанию концептов в контексте антропоцентрической парадигмы.....	11
1.2. Языковая картина мира как отражение менталитета народа.....	21
1.3. Основные направления изучения паремий в современном языкознании.....	33
1.4. Исследование паремий (пословиц и поговорок) в лингвокультурологическом аспекте.....	36
1.5. «Дом-дерево-человек» как психологическая триада.....	43
Выводы по главе 1.....	48
Глава II. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ДОМ», «ДЕРЕВО», «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	
2.1. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Дом» в русской языковой картине мира.....	51
2.2. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Дерево» в русской языковой картине мира.....	62
2.3. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Человек» в русской языковой картине мира.....	70
2.4. «Дом», «Дерево», «Человек» как концепты, составляющие ядро языкового сознания русского человека (на основе анализа ассоциативных словарей).....	77
Выводы по главе 2.....	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	84
Список использованной литературы.....	90
Приложение.....	96

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование, осуществленное в контексте лингвокультурологии, направлено на осмысление роли некоторых ключевых концептов русской культуры, вербализуемых в паремиологическом фонде русского языка, с целью репрезентации языковой картины мира с точки зрения антропоцентрического подхода. В ходе исследования мы исходим из того, что поговорки представляют собой вербализованное отражение языковой картины мира народа, содержанием которой выступают элементы ментального восприятия окружающего мира – концепты, а формой – ассоциативно-образные поля данных культурологических единиц. Ментальные единицы русского языка квалифицируются нами в качестве основания для репрезентации языковой картины мира по двум критериям:

- система базовых концептов как ментальных единиц языковой картины мира формирует концептосферу, или концептуальную картину мира;
- лексическая репрезентация концептов в поговорках и пословицах обеспечивает эстетическое и дидактическое воздействие, способствующее формированию полноценного национального самосознания у носителей конкретного языка.

Одной из важнейших проблем современного языкознания является определение языковой картины мира как важной составляющей антропоцентрической парадигмы. Основание антропоцентрического подхода в лингвистике соотносится с лингвистической концепцией В. фон Гумбольдта, рассматривающей язык как «форму выражения народного духа». В любом языке имеется немалый запас лексических, грамматических, синтаксических средств, способных выразить весь мыслительно-творческий потенциал его носителя.

В языкознании антропоцентрический подход в различной мере был представлен в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, М.М. Бахтина,

А.А. Шахматова, а также В.Г. Костомарова и других лингвистов. Антропоцентрические исследования проводятся в различных отраслях языкознания, захватывая при этом прочие области научного знания, вследствие чего в точках пересечения некоторых наук зарождаются новые смежные дисциплины, то есть произошел процесс интеграции наук, изучающих человека и его сознание, и лингвистики. Как следствие сформировались следующие междисциплинарные явления: психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Принято считать, что в структуре рассматриваемой нами научной парадигмы сформировались следующие лингвистические направления: лингвокультурология, исследующая язык как средство выражения конкретной национальной ментальности, и когнитивная лингвистика, рассматривающая язык как способ внешнего проявления познавательных процессов, происходящих в сознании человека. Таким образом, развитие антропоцентрического подхода в лингвистике привело к постановке вопроса о соотношении человека и его места в мире с языком и культурой. Реконструкцию языковой картины мира с помощью культурологических единиц и изучение познавательных процессов человеческого сознания через языковые особенности можно считать основными задачами антропоцентрического подхода современной славистики.

Специфика познавательных процессов и национальный колорит отражаются в языке определенного народа путем воссоздания языковой картины мира. Языковая картина мира позволяет углубиться в исследование мировоззрения определенного народа, выраженного в его культурном наследии. Реконструкция языковой картины мира осуществляется через исследование ее структурных единиц – концептов. Концепты принято считать ментальными единицами, которые хранят в себе определенные знания об окружающей действительности, они отражают национальную специфику русского языка и выражаются в языке множественными лексическими единицами, образующими их ассоциативно-образные поля. Изучение концептосферы языка стало

особенно актуальным в тот период, когда собственно язык отошел для лингвистов на второй план, а на первое место была выдвинута «языковая личность», так называемый «говорящий человек» (по Ю.Н. Караулову). Несмотря на, порой, чрезмерное обращение к концепту как предмету лингвокультурологического анализа, он остаётся турбулентным феноменом, хотя признаётся для становления этого актуального направления языкознания базовым понятием.

Вопрос классификации концептов интересовал Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Дзюбу, З.Д. Попову, Д.С. Лихачева, А.П. Бабушкина, Е.Ю. Пономареву, И.А. Стернина, А.Я. Гуревич, З.Р. Аглееву, М.В. Пименову. Несмотря на обширное количество исследований в области концептосферы языка, имманентная сущность ключевых культурных концептов в современной лингвокультурологии остается малоизученной.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в избрании для лингвокультурологического анализа ментальных концептов «Дом», «Дерево», «Человек» как лингво-психологического концептуального комплекса, вбирающего значительное количество лексем, представляющих данный концепты в русской языковой картине мира эксплицитно и имплицитно; в выявлении семантических особенностей функционирования этих концептов в устном народном творчестве, в частности – в пословицах и поговорках русского языка; в выявлении пересечений ассоциативных полей данных концептов между собой.

Лингвистическое исследование перечисленных концептов неоднократно осуществлялось учеными, но чаще всего их рассмотрение проходило либо в рамках сопоставительного анализа с другими концептами русского языка (к примеру, С.Р. Габдуллина изучала точки пересечения концептов «Дом» и «Родина», а Н.Л. Чулкина включала «Дом» в более широкую семантическую сферу «Повседневность»), либо в соотношении с концептами других языков (например, Н.Л. Чулкина рассматривает концепт «Дом» как «средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф» (на материале

произведений английской писательницы). А в работе «Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция лого-эпистемы» (2000) Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров рассмотрели «Дом» с лингвострановедческой точки зрения. В монографии «Языковой образ-концепт «Человек» в русской языковой картине мира» под редакцией О.В. Коротун, Н.Д. Федяевой (2011) концепт «Человек» рассматривается на примере текстов русской художественной литературы разных эпох, начиная с древнерусских текстов вплоть до литературы второй половины XX века.

В диссертационном исследовании мы рассматриваем фрагмент национальной языковой картины мира, представленный концептами «Дом», «Дерево», «Человек» с точки зрения лингвокультурологического подхода как в общеязыковом семантическом пространстве русского языка на основе сопоставления данных ассоциативных словарей, так и в поговорках, основываясь на выборку из сборников «Пословицы русского народа» (1989), «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» (1997). В.И. Даля, «Словаря русских пословиц и поговорок» (2000) В.П. Жукова.

Наше исследование посвящено изучению базовых общечеловеческих концептов «Дом», «Дерево», «Человек», описанию лексических средств их репрезентации в русской языковой картине мира, установлению точек пересечения ассоциативных полей данных лингвокультурологических единиц.

Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к постижению языковой картины мира путем анализа концептосферы русского языка. В частности, выбор концептов «Дом», «Дерево», «Человек», обладающих высокой значимостью в русском языковом сознании, позволяет представить их не только в качестве основных культурно значимых концептов, но и осмыслить их как лингвокультурологический концептуальный комплекс. Кроме того, поля данных концептов в современном языке активно расширяются за счет включения номинаций, описывающих данные ментальные единицы в современной действительности.

В качестве **объекта** исследования выступают языковые единицы (лексема и паремия), вербализующие эксплицитно и имплицитно концепты «Дом», «Дерево», «Человек» в русском языке.

Предметом лингвокультурологического анализа исследования являются концепты «Дом», «Дерево», «Человек» как особые взаимосвязанные ментальные конструкты, формирующие значительный фрагмент русской языковой картины мира и определяющие национальную специфику обозначаемых объектов.

Цель диссертационного исследования состоит в анализе структуры концептов «Дом», «Дерево», «Человек» как целостных и взаимосвязанных лингвокультурологических единиц, выявлении способов их вербализации в русской языковой картине мира, нахождении точек пересечения семантических полей ключевых вербализаций данных концептов.

Достижение указанной цели предопределило решение ряда исследовательских **задач**. К ним мы можем отнести следующие:

1. Изучить теоретический материал, непосредственно связанный с различными способами определения понятия «концепт» в рамках антропоцентрического подхода в лингвистике, обосновать терминологический аппарат исследования, необходимый для оперирования в ходе изучения обозначенной нами выше концептуальной и психологической триады;

2. Рассмотреть этимоны и пути семантического развития лексем, организующих структуру концептов «Дом», «Дерево», «Человек» в русском лингвокультурном пространстве;

3. Выявить совокупность лексем, номинирующих жилое пространство и определяющих место человека в русской культуре, путем сравнительного анализа словарных дефиниций номинантов изучаемых концептов, полученных посредством обращения к ассоциативным словарям (Русский региональный ассоциативный словарь и Славянский ассоциативный словарь), и построения структуры их лексико-семантических полей;

4. Описать способы вербализации концептов «Дом», «Дерево», «Человек» в пословицах и поговорках русского языка путем описания паремиологического поля каждого из концептов, содержащего данные о структуре концепта в сознании носителей русского языка;

5. Выявить точки пересечения семантических полей данных концептов.

Методологической основой диссертационной работы является философская теория отражения – материалистическая теория познания (восходит к понятию рефлексии у Гегеля и французскому материализму XVIII века), согласно которой человеческие ощущения, понятия, научное познание в целом есть отражение объективно существующей действительности. С этой точки зрения мы будем рассматривать концепт как отражение реалий всех сфер человеческой жизни и культурной стороны бытия в частности.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих ученых в области языкознания, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, этнолингвистики, социологии и философии. Среди них – работы по следующим проблемам: типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, А. Вежицкой; когнитивная теория концепта Ю.С. Степанова, В.А. Масловой; теория и методика семантико-когнитивного анализа З.Д. Поповой, И.А. Стернина, психолингвистические исследования по формированию языковой личности и ее связи с культурой А.А. Леонтьева, А.А. Залевской; теория языковой картины мира Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Л.О. Чернейко; лингвокультурологическая теория концепта В.В. Красных, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Ю.Н. Караулова; лингвострановедческая теория слова В.Г. Костомарова, Ю.Е. Прохорова; семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты русской фразеологии В.Н. Телии; теория межкультурной коммуникации Д.Б. Гудкова, С.Г. Тер-Минасова; структура языкового сознания русских Н.В. Уфимцевой. Был проведен обзор лингвистической, культурологической, философской литературы, энциклопедических изданий и словарей, а также картотека посло-

виц и поговорок из книг «Пословицы русского народа» (1989), «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» (1997). В.И. Даля, «Словаря русских пословиц и поговорок» (2000) В.П. Жукова

Для реализации поставленной цели и решения задач нами были использованы следующие **методы и приемы** исследования:

- 1) описательный метод, включающий в себя наблюдение, интерпретацию, обобщение и классификацию анализируемого материала;
- 2) метод сплошной выборки из словарей и составление картотеки исследуемого материала;
- 3) метод системного исследования, включающий в себя синхронный анализ выявленного материала;
- 4) метод сравнения, позволяющий установить сходство и различие лингвистических фактов;
- 5) комплексный метод концептуального анализа, состоящий из структурного анализа, лексикографических и этимологических исследований;
- 6) дистрибутивный анализ – группировка рассматриваемых лингвистических единиц на основе синтагматических отношений;
- 7) анализ лексико-семантических групп и некоторые другие.

Теоретическая значимость исследования. Наша работа вносит определенный вклад в рассмотрение вопросов взаимосвязи языка и культуры в рамках антропоцентрической парадигмы. Она дает возможность расширить и углубить имеющиеся представления о статусе исследуемых концептов, их логико-семантической структуре, национальном характере, средствах вербализации в русской языковой картине мира.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения его результатов в спецкурсах и семинарах по лингвокультурологии; при работе учителя-словесника (разработка конспектов уроков, внеурочных занятий) для дальнейшего изучения концептов «Дом», «Дерево», «Человек» в общеязыковой и художественной картинах мира на материале художественной литературы.

Материалом исследования послужили толковые и этимологические словари, сборники «Пословицы русского народа» (1989), «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» (1997). В.И. Даля, выборка паремий из «Словаря русских пословиц и поговорок» (2000) В.П. Жукова, данные вербально-ассоциативных экспериментов по материалам «Славянского ассоциативного словаря» (2004) Н.В. Уфимцевой и «Русского регионального ассоциативного словаря» (2014) Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой.

Апробация работы. Результаты исследования представлены в виде докладов на научных конференциях различного уровня, а также в двух публикациях автора: в международном научном журнале «Lingvo-science» №16 (Болгария, Варна, октябрь 2018) и сборнике материалов конференции «Белгородский диалог-2018. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории» (2018).

Характеристика структуры работы. Общий объем магистерской диссертации составляет 95 страниц и включает: введение, где сформулированы и обоснованы актуальность, цели и задачи данной работы, определены объект и предмет исследования; теоретическая глава, в которой дается обоснование концепта с точки зрения лингвокультурологии и рассматриваются основные направления исследований в области современной паремиологии; практическая глава, рассматривающая паремиологические средства репрезентации концептов «Дом», «Дерево», «Человек» и выявляющая точки пересечения их ассоциативно-образных полей; заключение; список использованной литературы, список лексикографических источников; приложение в виде технологической карты урока русского языка для 6 класса на тему «Повторение и обобщение по теме «Лексика и фразеология», построенная на основе текстов и паремий, связанных с номинацией традиционных типов русского жилища.

ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Основные подходы к лингвистическому описанию концептов в контексте антропоцентрической парадигмы

В лингвистических исследованиях последних лет, имеющих ярко выраженный антропоцентрический характер, наметилась тенденция связывать лингвистические процессы с внелингвистической реальностью и особенностями языковой личности, познающей окружающий мир. Язык играет действительно важную роль в построении знаний о мире. Иногда говорят даже о существовании особого языкового мировидения.

Проблему связи языка и человеческого мышления пытаются разрешить лингвисты и культурологи на протяжении не одного десятка лет. Суть проблемы заключается в выявлении более справедливого и обоснованного постулата: мысль строится на основе имеющихся языковых средств (язык первичен, мысль вторична) или язык функционирует на основе мыслительного процесса личности (мысль первична, язык вторичен).

Концептуализация мира тесно связана с речемыслительной деятельностью человека. Исследование концепта как элемента мыслительной деятельности человека справедливо начинать с исследования его репрезентации в языковых средствах различных уровней, то есть с анализа некоторых лексических единиц, способствующих полноценному восприятию и осмыслению концепта носителями языка. Вербализация концепта – главный способ его полноценного восприятия в обобщенном виде. Ей противостоит объективация – наполнение концепта индивидуальными смыслами и ассоциациями в зависимости от возрастного, социального, гендерного признака носителя языка.

Концептуальная картина мира человека является сложной и многозначной системой, однако она имеет определенные границы, обладающие подвижностью и тенденцией к развитию и приращению. Человек воспринимает мир с помощью определенных понятий, категорий, образов, за которыми кодируется некая нравственно-оценочная информация. Процесс оценки объектов окружающего мира тесно связан с познавательной деятельностью человека, «в самих ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний, интересов и предпочтений различных общественных групп и личностей» [Философский энциклопедический словарь 1987: 765].

Термин «концепт» не имеет однозначного определения, несмотря на то, что он прочно закрепился в современном языкознании. При анализе концепта следует обратить внимание не только на его семантические проявления, но и на моделирование его структуры (ядро концепта, базовый слой и периферия). Неоднородность и многозначность структурной системы концепта были выявлены ещё в момент зарождения когнитивных и культурологических исследований, этим обусловлена множественность подходов к определению и изучению концептов.

В зависимости от области научного знания, предметом исследования которой является концепт, выделяются следующие подходы к его рассмотрению: когнитивный, лингвокультурологический, психолингвистический, семантический, логико-понятийный, интегративный.

Научное сообщество к наиболее обоснованным и разработанным подходам относит когнитивный и лингвокультурологический, которые рассматривают концепт в рамках антропоцентрической парадигмы. По словам В.И. Карасика, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: когнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт – это обратное направление от национальной культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 97].

Основными учеными, определяющими концепт в рамках когнитивной лингвистики как производную индивидуального мышления, принято считать Н.Д. Арутюнову, Е.С. Кубрякову, З.Д. Попову, И.А. Стернина, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телию, Г.Г. Слышкина, В.Г. Костомарова, А.П. Бабушкина, С.А. Аскольдова и других. В самом общем виде они определяют концепт как единицу, организующую и структурирующую познавательные процессы личности. Представители данного научного подхода рассматривают концепт как особое речемыслительное образование в сознании отдельного человека, а совокупность концептов позволяет реконструировать концептосферу, то есть когнитивный образ мира. Согласно их теоретическому обоснованию, концепт – это единица информации, которая формируется в сознании человека в ходе процесса познания окружающего мира.

На связь концепта с когнитивной картиной мира указывают авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой, обозначая концепт как «термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 89].

С точки зрения когнитивного подхода дает определение концепту И.А. Стернин: «Концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе речемыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [Попова, Стернин 2010: 27]. Он одним из первых разработал и обосновал полевую модель строения концепта (наличие концептуального ядра и периферии). При этом он отмечал сложность и многогранность концепта, динамичность и возможную изменчивость его структуры. С течением времени концепт способен наполняться новыми смыслами, это связано, в первую очередь, с расширением знаний личности об окружающем мире. По-

левая модель концепта, по определению И.А. Стернина, имеет следующую структуру: в центре концепта расположено ядро – яркий образ с максимально обобщенной семантикой; его окружает базовый слой, раскрывающий наиболее значимые признаки, присущие ядру; заключительным элементом является периферия, или интерпретационная область, объясняющая многообразие дополнительных признаков ядра, переносных значений, имплицитно выраженных смыслов.

Иным образом рассматривается концепт в рамках лингвокультурологического подхода, рассматривающего мир от культуры к индивидуальному сознанию, то есть коллективное сознание является первичным, а индивидуальное – вторичным.

С точки зрения лингвокультурологического подхода, концепт является базовой единицей культуры, которая представляет собой итог общественно-культурных познаний человека. Сторонниками этого подхода принято считать С.Г. Воркачева, Д.С. Лихачева, В.Н. Нерознака, Н.А. Красовского, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красноватых, В.А. Маслову и др.

Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, как единицы измерения ментальности, – закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы лингвистического знания. История лингвокультурного понятия концепт начинается еще в раннем Средневековье. Концепт, как и его средневековый «предшественник», используемый под тем же названием в работах П. Абеляра, – семантическое образование высокой степени абстрактности. Будучи порожденным классической латинской философской мыслью, «концепт приобрел статус научного понятия приблизительно с VII столетия и периодически использовался средневековой философией и логикой, где концепты еще были равны понятиям» [Философский энциклопедический словарь 1987: 217]. В XIX веке термин проникает в психологию, а на рубеже XIX-XX веков – в лингвистику.

Лингвокультурологический подход нацелен на исследование культурных концептов, он помогает осмыслить их сущность, сложившуюся в кол-

лективном (национальном) сознании, установить систему ценностей, на становление которой подействовал культурный, языковой либо общественный опыт индивидов.

Лингвокультуролог В.А. Маслова разрабатывает понятие «ключевые концепты культуры», под которым понимает «ядерные (базовые) единицы картины мира, располагающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова 2011: 51]. В итоге разбора концептов В.А. Маслова подходит к выводу, что культурных концептов в каждом языке весьма много, намного больше, нежели может показаться на первый взгляд. Концепты культуры исполняют существенную роль в национальном языковом сознании, по этой причине их изучение – очень популярное и актуальное направление лингвокультурологии в настоящее время. Изучение национальной специфики таких концептов относится, как отмечает В.В. Красных, «к наиболее актуальным и перспективным на сегодняшний день направлениям исследования» [Красных 1998: 124].

Одним из наиболее ярких представителей лингвокультурологического подхода к изучению концептов является Ю.С. Степанов. Концепт для него – это «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41]. Концепт для ученого относится к ценностям, которые представляют собой элементы и языкового сознания нации, и индивидуального сознания человека. По мнению Ю.С. Степанова, «в составе концепта выделяются следующие компоненты: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [Степанов 1997: 44].

Разработка структурированной модели концепта позволяет выработать новейшие методы и приемы его изучения для каждого из его уровней. Таким

образом, для исследования пассивного слоя концепта рекомендовано обращение к сравнительно-историческому методу, то есть выявлению закономерностей развития словаря во взаимосвязи с формированием общества, т.е. рассмотрению материала в диахроническом аспекте. Актуальный же слой концепта рассматривается с социальной стороны посредством синхронного разбора. Все это дает возможность на практике использовать понятие концепт как инструмент лингвокультурологического анализа. В связи с этим ещё одно определение Ю. С. Степановым концепта – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», и с другой стороны, «концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40].

В рамках лингвокультурологической парадигмы концепт трактуется как условное полиапеллируемое, полиструктурируемое, вербализуемое в социуме ментальное формирование, в составе которого вычленяются понятийно-содержательная, ассоциативно-образная и нормативно-поведенческая (ценностная) составляющие [Карасик 2002: 126].

Кроме того возможно причислить к лингвокультурологической с некоторым психологическим уклоном позицию Д.С. Лихачева. При объяснении определения концепт, во главу угла он ставит индивидуально-психические особенности индивида. В создании концепта ученый придает существенное значение самой личности, ее культурному и образовательному уровню, запасу познаний и умений, опыту. Данный багаж, согласно взгляду Д.С. Лихачева, «не обедняет, а даже обогащает и расширяет концепт. У любого человека имеется свой, индивидуальный, культурный опыт, запас познаний и навыков, которыми определяется обилие значений слова и богатство концептов этих значений, а в некоторых случаях, однако, и их скудость и однозначность» [Лихачев 1997: 281]. Под концептом он подразумевает «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в собственной письменной речи» [Лихачев 1997: 280]. Таким образом,

Д.С. Лихачев понимает концепты с точки зрения отдельного индивида, но признает и их универсальность и всеобщность.

Р.М. Фрумкина определяет концепт как «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры» [Фрумкина 2001: 41]. Таким образом, концепт воспринимается ею как элемент культурного бытия.

С точки зрения В.Н. Телии, «концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а, следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое выражение» [Телия 1996: 23].

С.Г. Воркачев, выводя определение концепта, отмечал как основные черты его вербализацию языковыми единицами, образующими лексико-семантическую и культурологическую парадигму, и этнокультурную специфику.

Таким образом, понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние пятнадцать лет оно переживает период актуализации и переосмысления. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки:

- 1) это наименьшая единица человеческого опыта в его образцовом представлении, вербализующаяся с помощью слова и обладающая полевой структурой;
- 2) это минимальная единица получения, обработки, хранения и передачи знаний между поколениями одной нации;
- 3) концепт имеет подвижные границы, он наделен конкретными функциями;
- 4) концепт социален, его ассоциативное поле обеспечивает его прагматику;
- 5) это основная ячейка культуры.

Таким образом, концепты представляют мир в сознании человека, создавая концептуальную систему, а знаки человеческого языка шифруют в слове содержание этой системы.

Отсутствие единого определения связано с тем, что концепт располагает непростой, многомерной структурой, содержащей кроме понятийной основы социопсихокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она содержит ассоциации, чувства, оценки, национальные образы и коннотации, свойственные этой культуре.

Не вдаваясь в обширные объяснения приведенных пониманий, возьмем рабочее определение концепта. Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем либо иным способом характеризующее носителей конкретной этнокультуры. Концепт, отражая народное мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира и считается кирпичиком для строительства «дома бытия» (согласно М. Хайдеггеру). Однако в то же время «это определённый квант знания, отображающий сущность всей человеческой деятельности. Концепт не напрямую появляется из значения слова, а считается итогом столкновения словарного значения слова с индивидуальным и общенародным опытом человека» [Лихачев 1997: 4]. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

Концепт проявляется совокупностью языковых и внеязыковых средств, прямо или косвенно отображающих компоненты содержания концепта. Поскольку содержание концепта в той или иной мере проявляется в языке (вербализуется), оно с большой долей объективности может быть выявлено на базе анализа языкового материала. Языковая объективация концептов (их вербализация) делает естественные языки важным инструментом и источником их исследования. Концепты могут репрезентировать самые разные языковые и речевые ресурсы: единицы лексико-фразеологической системы языка, свободные словосочетания и более сложные синтаксические конструкции, поговорки, тексты и совокупности текстов (при необходимости экспликации

содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов). Недостаток устойчивого лексического обозначения (имени) концепта не означает отсутствие самого концепта. Концепт, будучи единицей концептосферы, а никак не языка, может иметь однословное обозначение, а может и не обладать его.

Словесная вербализация концептов мыслима только лишь на основе предметно-практического мышления. Знание, согласно Ж. Пиаже, берет начало от действия, а любое действие, которое повторяется либо генерализуется через применение к новым объектам, порождает этим самым концептосхему, своего рода практический концепт.

Связь концепта с вербальными средствами выражения отмечается почти во всех его лингвокультурных определениях: «знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий часть национальной картины мира, обобщенный в слове» (В.П. Нерознак); «что-то идеальное, представляющее собою единство «язык-мысль» (Т.Н. Снитко); «каждая дискретная часть коллективного сознания, что отображает объект реального либо идеального общества и находится в национальной памяти языка в вербально обозначенном варианте (А.П. Старушечьего), однако единства во мнениях касательно конкретных значимых единиц языка, с какими соотносится концепт, у лингвоконцептуалистов так и никак не выработано.

Чаще всего представительство концептов в языке предписывается слову: само слово приобретает статус имени концепта – языкового знака, передающего сущность концепта более полно и адекватно. Концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и закономерным завершением подобного подхода считается его сопоставление с планом выражения целой совокупности разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических и афористических) средств, обрисовывающих его в языке, т.е. в конечном результате концепт соотносим с планом выражения лексемы.

Какое из лексических значений слова заменяет собою концепт, выявляется как правило из контекста, а в некоторых случаях даже из общей ситуации. «Концепт не напрямую зарождается из значения слова, а считается итогом столкновения словарного значения слова с индивидуальным и народным опытом человека» – обобщил в свое время Д.С. Лихачев [Лихачев 1997: 281]. Высказанное мнение соединяет языковой, когнитивный и ментальный планы, напоминает «ближайшее» и «дальнейшее» значения у А.А. Потебни и находится в русле лингвистической традиции соотнесения смысла и значения.

Поскольку языковая личность и концепт выступают базовыми категориями лингвокультурологии, то процедура концептуального анализа должна быть подчинена основному ее принципу. Он предусматривает антропоцентричность анализа, предлагающего учет авторства и внимание к субъективным факторам при рассмотрении текста. Описание концептосферы невозможно без обращения к контексту, поскольку именно в этом лингвокультурном пласте можно выявить источники и пути становления народного сознания.

В ходе изучения ключевых концептов национальной культуры можно формировать целостное представление о человеке в его отношении к миру, способствовать познанию человеком самого себя. Концепт как междисциплинарная единица выполняет функции связующего звена между культурой и языковой личностью.

Таким образом, в рамках антропоцентрической парадигмы концепт можно расценивать в качестве действенного средства осмысленного и многоаспектного формирования целостного представления о национальной (и в частности языковой) картине мира.

Таким образом, были представлены два главных подхода к исследованию концептов. Эти подходы в той или иной степени изображают концепт как ментальный способ репрезентации реальности в сознании людей, как смысловое образование, несущее весомую культурную информацию и находящее свое определенное вербальное или знаковое выражение в языке. В

рамках различных академических подходов понимание концепта может отклоняться от данного определения, т.е. необходимо признать, что единого определения концепта до данного времени еще не выработано.

Концепты носят универсальный характер, так как являются продуктом мыслительной деятельности человека и отнесение их к тому или иному направлению лингвистики в некоторой степени условно. Очень важной представляется содержательная составляющая концептов, т.к. именно их содержание фиксирует и репрезентирует различия в концептосфере того или иного народа. Концептосферу, так называемый глобальный образ мира, составляет совокупность культурологических и лингвокогнитивных концептов, и для нее больше важна содержательная, а не формальная организация концептов.

1.2. Языковая картина мира как отражение менталитета народа

В итоге взаимодействия человека с обществом формируются его представления о мире, создается определенная модель, что в философско-лингвистической литературе называется картиной мира. Это одно из базовых определений, описывающих человеческое бытие.

В настоящее время термин «картина мира» считается довольно популярным в разных научных направлениях (философия, психология, языкознание и культурология). Зачастую картина мира конкретизируется такими определениями, как научная, историческая, биологическая, языковая, религиозная, художественная и пр.

Термин «картина мира» был употреблен впервые Людвигом Витгенштейном в его труде «Логико-философский трактат» (1922), в антропологии и семиотике этот термин укрепился благодаря академическим трудам Иоганна Лео Вайсгербера. Картина мира – это вторичное существование мира, устройство которого в значительной мере формируется принципом систематизации составляющих ее объектов, по этой причине она и представляет со-

бою фрагмент универсального «картирования» действительности человеческим сознанием.

Исследованием данного феномена активно занимались Г.Д. Гачев, А.Я. Гуревич, Б.А. Серебренников, Е.С. Яковлева и др. Впервые понятие «картина мира» было сформулировано Р. Редфилдом. По его убеждению, «картина мира – это видение мироздания, характерное для того или иного народа: картина мира подразумевает интерпретацию культуры, выявление ее специфики посредством эмпатии» [Цит. по: Кузина 2006: 43].

В основе картины мира лежат представления человека о мире. Данное понятие отражает специфику человека, его бытия и мировоззрения. В процессе познания мира человек формирует собственное представление о нем, и в его сознании появляется определенная картина мира.

В.А. Маслова отмечает: «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке, это определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания» [Маслова 2004: 79].

По определению Г.В. Колшанского, «картина мира – это то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта» [Колшанский 2005: 20]. Однако ученый не считает это определение научным. Согласно его взгляду, подобное восприятие картины мира считается одним из многочисленных житейских выражений, отображающих индивидуальное понимание, взгляды того или другого человека по поводу какого-либо явления природы, обстоятельств, условий, эстетических ценностей и т.д.

Е.С. Кубрякова полагает, что картина мира это совокупность «значений и представлений о мире, упорядоченных в голове человека по самым различным основаниям и связанных в известную интегральную систему» [Кубрякова 1994: 170].

В интерпретации А.Я. Гуревича картина мира предстает как сетка «координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий вне их сознания» [Гуревич 1972: 15].

И.В. Рябова считает, что «существование специфических картин мира в сознании различных этносов необходимо принимать во внимание в ходе межкультурных исследований лексических единиц, т. к. значение слова оказывается «чувствительной» по отношению к разным составляющим картины мира» [Рябова 1996: 34].

Как уже было отмечено выше, имеется несколько видов картин мира, любая из которых рассматривает характерные для нее проблемы. Зачастую данные проблемы пересекаются. Прежде чем сказать о языковой картине мира, необходимо дать небольшой обзор проблемы научной картины мира. Многие ученые фиксируют необходимость соотносить эти два явления, несмотря на то, что они принципиально различаются друг от друга.

Согласно позиции О.А. Корнилова, общим у языковой и научной картин мира является только объект отражения, то есть реальная действительность со всем многообразием материальных и духовных ценностей. Ученый подразумевает под научной картиной мира «метод моделирования действительности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но в их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата абсолютно всех областей знания о мире, народе и обществе» [Корнилов 2003: 6]. При этом он считает, что научная картина мира непрерывно эволюционирует. Таким образом, можно утверждать, что современная научная картина мира – одна из ступеней познания человеком мира и его закономерностей. Наука не стоит на месте, она постоянно развивается. Возникают новые термины, а старые наполняются новым содержанием. Важным является тот факт, что язык науки, как правило, состоит из двух национальных языков: «национального языка, на котором формировалась первоначальная база этой науки или на котором осуществлены приоритетные разработки в данной об-

ласти (что обычно совпадает), и собственного национального языка той или иной нации» [Корнилов 2003: 46].

А.Ю. Ивлева при рассмотрении научной картины мира акцентирует внимание на том, что она «одновременно выступает как результат научного познания и как фундамент его дальнейшего развития, а также как источник возможных интерпретаций новых предметов науки и исследовательская программа» [Ивлева 2008: 118].

Подобная идея наблюдается в работах В.С. Степина. Ученый заявляет, что научная картина мира «может быть рассмотрена как модель теоретического знания, репрезентирующая предмет изучения соответственно конкретному историческому этапу развития науки, форма, посредством которой интегрируются и систематизируются определенные знания, приобретенные в различных сферах научного поиска» [Степин 2000: 122].

Некоторые ученые (Г.В. Колшанский, И.А. Стернин и А.А. Уфимцева) уверены, что картина мира в человеческом сознании отражается в виде когнитивной и языковой моделей. Под когнитивной картиной мира З.Д. Попова и И.А. Стернин подразумевают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народом в целом и являющийся результатом как прямого экспериментального отражения реальности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения реальности в процессе мышления» [Попова, Стернин 2010: 52].

Любое лингвокультурное сообщество, то есть люди, объединенные общим языком и культурой, создает собственную неповторимую языковую картину мира. В ходе речемыслительной деятельности носитель языка опирается именно на её категории и символы, а уже потом выстраивает своё высказывание. Другими словами, в процессе общения и взаимодействия с другими людьми человек пользуется теми понятиями и представлениями, которые на протяжении многих веков складывались в коллективном сознании того или иного этноса. Язык – это главное средство выражения картины мира. Все умозаключения, фиксируемые сознанием человека, воплощаются в язы-

ковых единицах различного уровня. Совокупность этих знаний составляет «языковую картину мира», позволяющую полноценно воспринимать окружающий мир. Еще В. фон Гумбольдт косвенно обращался к проблеме концептуализации мира, рассматривая язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, позволяющий воссоздать ментальное пространство носителей языка. Под языком он подразумевал средство фиксации мыслительного процесса, в своей совокупности представляющего коллективное сознание, особый образ мира.

Впервые термин «языковая картина мира» был введен Лео Вайсгербером в своей программной монографии «Родной язык и формирование духа» в 1929 году. Данный исследователь отмечал, что: «Язык есть не продукт деятельности, а деятельность» [Гумбольдт 2000:70].

Ученые дают следующее определение языковой картины мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений» [Попова, Стернин 2010: 54]. Таким образом, по убеждению исследователей, языковая картина мира – это «своеобразное представление действительности в языке» [Попова, Стернин 2010:59].

Исследованием проблемы языковой картины мира занимались как зарубежные ученые (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, И. Трир и Б. Уорф), так и отечественные (Г.В. Елизарова, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.В. Ощепкова, С.Г. Тер-Минасова и др.).

Важно отметить, что основоположником теории языковой картины мира полагается считать В. фон Гумбольдта, который одним из первых стал расценивать картину мира как языковое мировидение. Согласно позиции ученого, «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и сложно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2000: 349]. Он воспринимал язык как некую объединенную духовную энергию народа, за-

печатленную в определенных звуках, словах, фразе, и именно через эти единицы понятную всем говорящим и вызывающую в них определенную сходную для всех реакцию. В работах ученого прослеживается мысль о том, что язык – это самый важный способ передачи менталитета, несущий отпечаток ментальности своего народа. В. фон Гумбольдт писал: «Так как языки неразрывно сращены со внутренней природою человека и скорее самодеятельно вытекают из нее, чем произвольно создаются ею, то на таких же основаниях можно было бы назвать духовную особенность народов действием языков (как и наоборот). Истина – и в том, и в другом вместе: характер народа и особенности его языка вместе и во взаимном согласии вытекают из неисследуемой глубины духа» [Гумбольдт 2000: 63].

Рассматривая такую языковую сущность, как языковая картина мира, мы должны подойти к исследованию с двух сторон. Мы можем рассматривать картину мира как с точки зрения традиционной лингвистики, т.е. основываясь на трудах и идеях основателей самого понятия «языковая картина мира» (Витгенштейн, Гумбольдт, Вайсгербер) и идеи «гипотезы лингвистической относительности» (Сепир, Уорф), так и с точки зрения современной когнитивной лингвистики (Архипова, Борзенкова, Стернин, Кубрякова, Лаккофф, Фрумкина, Берлин, Кей, Рош). В последнем случае следует говорить скорее не о чисто языковой картине мира, а о таком более широком понятии как «концептуальная картина мира». Здесь мы придерживаемся определения «картины мира», которое дает О.Д. Ивицкая. «Картина мира – это исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Ивицкая 2000: 122]. Она отмечает, что это всегда субъективный образ объективной действительности, так как картина мира считается всего лишь интерпретацией, а не зеркальным отражением явлений действительности.

О.Д. Ивицкая дает следующее определение языковой картины мира: «Языковая картина мира – продукт сознания, итог взаимодействия мышления

действительности и языка как средства выражения мыслей о мире» [Ивицкая 2000: 127]. Таким образом, языковая картина мира включает в себя язык в качестве специфического фильтра или трафарета, по которому мы мыслим.

О неразрывной связи языка с внутренней природой человека упоминает в своих работах Г.В. Колшанский. Он подчеркивает мысль о том, что язык является неотъемлемой частью практической и теоретической деятельности человека, охватывая все сферы его индивидуальной и общественной жизни, раскрывая его внутренний мир. Согласно концепции ученого, «исследование языка, как бы оно ни было нацелено на собственно человека, рассматриваемого в сфере его духовной деятельности, не может дать основание для разграничения двух миров – оно может лишь открыть в языке человека – со всеми его индивидуальными и родовыми качествами – сам мир» [Колшанский 2005: 17]. Г.В. Колшанский определяет язык как «звуковую книгу», раскрывающую все пути познания человеком мира и условия, в которых человек добывает знания об окружающем мире (особенности природы, общественный уклад, исторические факты и т. п.). Ученый убежден, что язык «передает одновременно и ограниченность познания, ошибки, заблуждения, фантазии, национальную самобытность, особенности жизни племен, народов, наций и т.д.» [Колшанский 2005: 26]. В результате ученый делает вывод о том, что язык считается формой овладения миром. Изучая языковую картину мира, Г.В. Колшанский описывает ее как языковое воплощение воспринимаемого человеком объективного мира, включающего и самого человека как важную связующую часть. Интересной является мысль ученого о том, что человек постоянно носит «языковые очки», через которые в зависимости от их характера воспринимает окружающий его мир. Иными словами, язык соотносится с единым для всех объективным миром, а расхождения объясняются проживанием в различных социальных условиях, неодинаковым воспитанием и т.д.

Такой точки зрения придерживается и В.А. Маслова, которая пишет: «В силу специфики языка в сознании его носителей зарождается конкретная языковая картина мира, через призму которой человек представляет мир»

[Маслова 2004: 65]. Согласно позиции ученого, языковая картина мира «вырабатывает тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в обществе, предопределяет его отношение к миру» [Маслова 2004: 65].

Безусловно, язык любого народа уникален. Однако невозможно не отметить, что для абсолютно всех языков имеется единая логико-понятийная база. Она считается составной частью целой языковой картины мира. Все, что находится за гранями единой логико-понятийной базы, составляет национальную языковую картину мира. «Национальная языковая картина мира считается итогом отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в ходе своего исторического формирования, включающего познание этого мира» [Корнилов 2003: 144]. Любой народ наполняет единую базу индивидуальным содержанием. «Оригинальность мироосмысления, мирочувствования и мирооценки определенным этносом определена прежде всего сферой внелогического восприятия реальности: эмоции и оценки, их характер и глубина, факторы, их определяющие, – все это своеобразно, неповторимо, и все это отражено в языке» [Корнилов 2003: 122]. Это и объясняет тот факт, что языки отличаются друг от друга. Однако разные языки это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее. Главное различие выражается в особенностях обозначения предмета или понятия.

Интересную и наиболее полную, на наш взгляд, трактовку данного термина представила Н.Ю. Шведова. По ее словам, языковая картина мира может восприниматься как целостное изображение действительности средствами различных языковых номинаций, включающее среду и условия проживания человека, пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Подобная картина мира предстает как полотно с представленной на нем вершиной и обращенными к ней участками, элементы которых размещаются согласно принципу ступенчатого сужения. В вершине данного изображения стоит человек; к данной вершине направлены две главные ветви «сам человек, его жизненный процесс» и «его

окружение, сфера его бытия»); именно такое первичное разделение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что имеется около него и для него.

О.А. Корнилов рассматривает языковую картину мира как кладовую различного материала для подтверждения или опровержения каких-либо черт национального характера, это источник знания о менталитете народа и его национальном характере. В языковой картине мира отражен национальный способ видения мира, формирующий национальный характер. Без ее знания трудно понять, что составляет национальную культуру, какие этические, нравственные и ценностные приоритеты ей свойственны. Согласно разработанной ученым концепции, исследовать культуру народа без знания языковой картины мира «все равно, что пытаться прочесть слова и предложения на незнакомом языке, не удосужившись предварительно выучить алфавит этого языка» [Корнилов 2003: 80]. По мнению исследователя, языковая картина мира – это словесное содержание того или иного языка. Так, он полагает, что лексический состав языка является не только словарем данного языка, но и словарным воплощением модели мира народа. Что касается других разделов языка (синтаксис, морфология, фонетика), то, несомненно, они также выступают в роли источника информации о национальном характере и складе мышления. Однако при этом лексический состав языка остается самой важной составляющей при исследовании языковой картины мира, поскольку «под языковой картиной мира мы все-таки понимаем лексическую, а точнее – лексико-фразеологическую систему языка, сознательно выводя за ее пределы все остальные разделы» [Корнилов 2003: 106].

Языковая картина мира может претерпевать изменения, происходящие под воздействием многих факторов, среди них – условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и, тем самым, включения в языковую картину мира. Однако в целом она является стабильной и в этом ее смысл: передавать из поколения в поколение языковое мышление носителей языка.

Осваивая языковую картину мира, человек получает целостное представление о мире, присущее носителям этого языка. Важно отметить, что язык изначально выступает не как набор отдельно взятых языковых единиц, а как одна из возможностей отображения языковой картины мира как определенного народа в целом, так и отдельно взятого индивида. Человек живет в языковом пространстве так же, как и в культурном. При этом язык способствует ориентации в культурном пространстве.

Языковая картина мира представляет собой ту часть концептуальной картины мира, которая опосредована языком и включает единицы различных уровней. Языковая картина мира зависит от культуры народа, говорящего на данном языке, и, не в последнюю очередь, от его ментальности. Другими словами, национальный характер влияет на языковое кодирование мира.

Все вышесказанное позволяет прийти к следующему выводу: чтобы понять культуру народа, необходимо понять сущность языка этого народа, что, в свою очередь, «предполагает овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира» [Корнилов 2003: 78].

О.А. Корнилов кроме того сосредоточивает внимание на том, что при анализе языковой картины мира другого народа важно отвлечься от способа видения мира своего народа. При рассмотрении же родного языка следует посмотреть на него со стороны и анализировать его как один из способов мировидения. Таким образом, можно утверждать, что главная функция языковой картины мира – это фиксация национального видения мира.

Языковая картина мира связана с этнокультурной картиной мира. Она содержит в себе как восприятие окружающего мира, так и определенный образ жизни народа, а потому считается отражением его менталитета. Термин «менталитет» был внедрен в науку в 1867 году американским философом Р. Эмерсоном. Имеется мнение, что данный термин в первый раз был упомянут в 1922 году в этнологическом труде Л. Леви-Брюля «Первобытное мыш-

ление». Полный анализ этого явления представлен в труде И.Г. Дубова, где ученый предоставил следующие определения менталитета:

– это «своеобразный психологический уклад общества, оказывающий большое влияние на исторические и социальные процессы;

– это определенная интегральная характеристика людей, проживающих в конкретной культуре, что дает возможность описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и пояснить специфику их реагирования на него;

– это характерная для определенной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и общественно-политическими условиями существования в историческом аспекте» [Дубов 1993: 20].

Согласно позиции А.А. Королева, менталитет не нужно расценивать как некую духовную субстанцию в пространстве, так как он «локализуется, действует в рамках конкретного отдельного этноса» [Королев 2011: 16].

Каждый народ имеет определенные особенности, как в социальном, так и в трудовом опыте. В этом и проявляется его менталитет. Он формируется под влиянием конкретных социальных и культурных условий в ходе длительного исторического развития этноса и определяет национальную модель поведения. В языках различных народов из-за нетождественных условий жизни действительность отражается по-разному. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что отсутствие каких-либо объектов в конкретном социуме объясняет отсутствие языкового обозначения данных объектов.

Таким образом, язык не может создавать предметный мир, он лишь отображает опыт определенного народа по освоению этого мира. В языке закреплены результаты разнообразной познавательной деятельности человека, как социальной, так и индивидуальной. Суть этой деятельности состоит в выборе одного из множества свойств предметов, явлений и последующем его закреплении в языке. Часто люди говорят об одном и том же, однако при этом в их сознании возникают объекты, весьма отличающиеся друг от друга.

Человек иногда забывает, что пейзаж повсюду выглядит по-разному. Не все люди знакомы с морем или снегом, земля никак не везде коричневая (во многих зонах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная) и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и с расположения на открытом солнце (к примеру, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или бурая, чем зеленая).

Бесспорным является тот факт, что каждый народ обладает определенной культурой, и каждой культуре присущи свои идеи и понятия, ценности и представления, на формирование которых оказали влияние такие факторы, как особенности географической среды, ландшафта и культурные традиции. Каждая культура обладает своим языком. Его состав определяется в основном языковым сознанием народа. Язык реализует этнокультурную картину мира и передает ее из поколения в поколение. В языке находят отражение все тонкости культуры народа. Анализ лексики конкретного народа позволяет судить об основных особенностях его культуры. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что языковая картина мира всегда культурно обусловлена.

Языковая картина мира – это система ценностных ориентаций, закодированная в языковых единицах и восстанавливаемая путем обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры [Вежбицкая 1996: 233].

Нельзя не выделить и то обстоятельство, что в лингвистике имеется два подхода к исследованию языковой картины мира: интегральный, при котором под языковой картиной мира понимается все языковое содержание, и дифференциальный, где при исследовании языковой картины мира выделяются специфические признаки семантики данного языка, дифференцирующие его от всех прочих языков.

В основу нашего диссертационного исследования мы принимаем определение языковой картины мира, предложенное Е.С. Яковлевой: «языковая картина мира – зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, это своего рода ми-

ровидение через призму языка» [Яковлева 1996: 47]. Данная словарная дефиниция отличается лаконичностью формы и емкостью содержания.

В паремиологических единицах языка отражается особая схема восприятия окружающего мира, свойственная конкретному этносу. Это связано с тем, что паремиологический фонд обладает большой консервативностью, схематичностью, структурностью, что позволяет хранить культурный опыт предшественников и обеспечивает преемственность традиций.

Таким образом, язык любого народа уникален. В нем отображены характерные черты народа и тонкости его культуры. Язык считается важным способом передачи менталитета, олицетворением своеобразия целого народа. Изучая лексику определенного этноса, можно обнаружить основные отличительные черты его культуры. Понять содержание языка народа – значит овладеть языковой картиной мира. В ней отражен национальный способ видения мира. Языковая картина мира считается основой знания о национальном характере народа и служит отражением его менталитета.

1.3. Основные направления изучения паремий в современном языкознании

Интерес к паремиологическому фонду языка с точки зрения лингвистики, а не фольклористики зародился лишь в начале XX века. Это неизбежно привело к формированию разнообразных точек зрения к определению паремий и подходов к их анализу.

Изучением паремий активно занимались Л.Б. Савенкова, результатом ее деятельности является монография «Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты» (2002), Е.И. Селиверстова – «Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость» (2009), а также [Бочина, 2003; Барли, 1984; Вальтер, 2001; Мокиенко, 2001; Пермяков, 1988; Семененко, 2005; Шипицина, 2005 и другие].

Традиционно в науке сложилось два основных направления в изучении паремиологического фонда. Первое направление сложилось и активно поддерживается в странах Европы и России, оно направлено на анализ структурных, семантических и семиотических признаков пословиц и поговорок, то есть на изучение их «внутренней формы».

Второе направление преимущественно поддерживается Великобританией и США, оно основано на детальном рассмотрении коммуникативной и социологической функции паремий.

В отечественной лингвистике интерес к паремиям как лингвистическим единицам увеличился в начале XX века, тогда русские паремии начали сопоставлять с пословицами и поговорками других народов мира (английскими, немецкими, французскими), во второй половине XX века увеличился интерес к проведению сопоставительного анализа паремий в русском и восточных языках (китайском, арабском и других). Пословицы и поговорки многих народов имеют в своей основе сходную семантику или грамматическую структуру, что и позволяет применять в их отношении методы сопоставительного или компонентного анализа.

Но стоит отметить, что некоторые исследования в области паремиологии проводились еще в XIX веке. Здесь следует обратить внимание на паремиографический сборник И.П. Гольшух «Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком» (1888).

Зарубежные исследователи П. Шмит, Я. Лаутенбах, Э. Кокаре, создававшие свои работы на рубеже XIX-XX веков, преимущественно занимались межкультурным анализом паремий.

Еще одно направление исследования в области паремиологии – жанровое разграничение пословицы и поговорки. Еще В.И. Даль в «Предисловии» к сборнику пословиц и поговорок одним из первых в 1862 году попытался решить этот вопрос. В более поздних трудах З.К. Тарланова (1999), Л.Б. Савенковой (2002), Е.В. Ивановой (2006) и других исследователей во-

прос разграничения пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений активно поднимается. В некоторых сборниках, несмотря на семантические и грамматические различия данных жанров, пословицы и поговорки представлены в одном списке, то есть без разграничения.

Одним из наиболее популярных направлений изучения паремий в современном языкознании можно назвать анализ трансформаций пословиц и поговорок в диахронном аспекте. Е.И. Селиверстова в монографии «Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость» утверждает, что до наших дней паремии дошли в трансформированном виде, поэтому «проведение системных исследований в области трансформации паремиологических единиц в ходе развития культуры считается одним из наиболее актуальных направлений современной паремиологии» [Селиверстова 2009: 23]. Этим фактом объясняется необходимость подробного изучения паремиологических трансформаций, определения их семантических и синтаксических типов, влияния на их изменение культурных и социальных факторов. В будущем это «позволит прогнозировать развитие трансформационных процессов в сфере паремиологии» [Койранская 2011: 258].

В целом, сопоставительный анализ паремий может проводиться по следующим актуальным на сегодняшний день направлениям:

- традиционное определение типологических сходств и различий между пословицей, поговоркой и пословично-поговорочным выражением;
- описание пословичных дублетов, эквивалентов и безвариантных пословиц с целью выявления их историко-культурных трансформаций;
- на основе социокультурного анализа паремиологических фондов разных языков выявление сходств и различий в их социальном развитии;
- лингвокультурологическое описание культурных концептов, репрезентируемых на основе анализа пословиц и поговорок определенного языка, выявление культурных символов и констант;

- выявление общих закономерностей постижения мира путем когнитивного анализа и отражение этой деятельности в паремиологическом фонде языка.

Проводимое нами диссертационное исследование находится в русле лингвокультурологического направления исследований паремий, то есть описания концептов как культурно значимых ментальных единиц.

1.4. Исследование паремий (пословиц и поговорок) в лингвокультурологическом аспекте

Языковой афоризм по синтаксической структуре можно определить как фразу, известную большинству носителей того или иного языка, поэтому она не создается из акта коммуникации, а воспроизводится в готовом виде. В первую очередь к ним относят пословицы и поговорки.

Устное народное творчество обычно рассматривается в качестве особо точного источника для выявления национальной языковой картины мира в контексте её бытового выражения, что приводит к выделению паремий как наиболее показательного материала для лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализов языковых фактов.

Освоение паремиологического фонда языка не осуществимо без освоения фольклорной традиции, представляющую сложную мировоззренческую, ценностную и культурную категорию.

Перед тем, как рассматривать репрезентации концептов с помощью паремиологических единиц, необходимо определиться с понятием, которое мы вкладываем в собственно «паремию» и ее жанровые разновидности (пословицу и поговорку). Паремии, исторически представляющие краткое высказывание в форме прямой речи, так как они были распространены ещё в дописьменную эпоху, достаточно сложно поддавались классификации, так как в своей структуре они содержали несколько лексем. Некоторые исследователи

паремий располагали их в алфавитном порядке, некоторые систематизировали по ключевым словам.

Г.Л. Пермяков относил паремии к своеобразным коротким клишированным выражениям (сюда же включали приметы, афоризмы, короткие анекдоты, скороговорки). Чаще всего в паремиологических сборниках можно встретить пословицы и поговорки, так как именно эти жанры паремий чаще всего воспроизводятся в речевой практике и употребляются в художественных произведениях и более объемных жанрах устного народного творчества.

Пословицы и поговорки важны для культурологов, исследующих ментальные стереотипы сразу в нескольких перспективах:

- они рассматриваются как носители средств языковой выразительности;
- исследуется их семантическая (смысловая) структура, т.к. из нее можно вычлениить культурно значимую информацию;
- изучаются основные жизненные стереотипы и традиции, действующие вне времени и конкретных социально-исторических условий, и поэтому не теряющие своей актуальности.

Таким образом, существование и актуальность народных афоризмов на протяжении значительно долгого времени объясняется рядом причин, среди которых, в первую очередь, отсутствие или крайне редкое употребление в паремиях специфической лексики – архаизмов, диалектизмов и др; универсальность ее синтаксических и уникальность семантических свойств, что способствует их функционированию в качестве особого свернутого текста. Пословицы и поговорки не только содержат в себе умозаключения житейского или философского плана, они включают в себя объем информации, соотносимый с целым комплексом когнитивных единиц, к которым, в частности, относится и концепт.

Часто при более подробном рассмотрении паремии выступают в роли особого кодификатора ментальных особенностей народа, поэтому необходимо их расшифровать, несмотря на первоначально кажущуюся семантическую простоту.

В области лингвосемантических исследований паремии традиционно принято связывать скорее с планом языка, нежели культуры. Это утверждение, несомненно, верно, т.к. народные афоризмы, к которым относятся и пословицы, и поговорки являются языковыми единицами, которые соотносятся в первую очередь с планом языка и речи, и лишь потом выступают как языковое объяснение информации о культурных стереотипах того народа, в языке которого присутствует та или иная пословица или поговорка. В них находит отражение отношение народа к различным явлениям и закономерностям прошлой жизни, истории, современным реалиям, предметам и объектам различных сфер быта и культуры конкретного этноса.

Национальная особенность каждого языка проявляется в том, что концептуализация реального мира фиксируется в различных культурах в неодинаковом объеме и выражается в лакунах, так называемых словах, не имеющих эквивалентов.

Лексические единицы, отражающие национальную специфику, часто входят в состав пословиц и поговорок, это позволяет сделать предположение, что изучение именно паремий может способствовать выявлению наиболее характерных для данного общества моральных ценностей и традиций.

Паремиология – это филологическая дисциплина, изучающая паремии (пословицы и поговорки), она совмещает в своей основе не только литературоведческие и лингвистические методы исследования, но и культурологические методы анализа. Фольклорист в рамках этой дисциплины изучает малые жанры устного народного творчества: пословицы, скороговорки, прибаутки, присловья, побасенки. Языковеды-паремиологи и лингвокультурологи чаще всего изучают пословицы и поговорки как языковые единицы, в которых находят отражение этнокультурные особенности жизненного уклада, культурный опыт этноса.

Лингвисты и фольклористы всегда пытались провести четкую грань между пословицей и поговоркой, но к общему мнению так и не пришли. Это связано, прежде всего, со множественностью определений к этим понятиям.

Ученые пытались разграничить эти жанры, беря за основу деления их семантическую мотивированность, их грамматическую полноценность, смысловую завершенность и некоторые другие признаки. А.Н. Мартынов объясняет это тем, что «виды народных изречений близки друг другу, сам народ никогда четко их не разграничивал» [Мартынов 1986: 6].

Под пословицей мы понимаем устойчивый словесный комплекс, имеющий четкую синтаксическую структуру – замкнутое предложение, обладающий афористичностью, метафоричностью, прямым или переносным планом выражения; этот «комплекс обозначает ситуацию, которая содержит нравоучительное умозаключение или философское обобщение» [Корнилов: 2003, 127].

В словаре лингвистических терминов дается такое определение: «Пословица – краткое меткое поучительное народное изречение. Характеризуется художественной оформленностью, а также синтаксической самостоятельностью. Пословица составляет ядро фонда народных афоризмов, заключающих в себе многовековой опыт народа и народную дидактику» [Матвеева: 2010, 327-328].

Поговорке дается следующее определение: «Поговорка – краткое и меткое народное выражение. Отличается образностью, отражает народную наблюдательность, остроту взгляда» [Матвеева: 2010, 317]. Поговорка близка пословице, но отличается от нее двумя признаками:

- не всегда имеет прямой нравоучительный смысл;
- не всегда имеет четкую синтаксическую законченность, то есть не соотносится с целым предложением.

Многочисленные исследования доказывают, что источниками зарождения пословиц являются фольклор, мифология, Библия, художественная литература и так называемые крылатые слова и афоризмы. Лексический запас современного славянина любой национальности включает в себя большое количество пословиц и поговорок. Этот «паремийный пласт включает в себя

как общеславянские народных афоризмы, так и паремии, интернациональные по этимологии» [Корнилов: 2003, 65].

Один из основоположников структурной паремиологии – Г.Л. Пермяков трактует понятие *паремия* в довольно широком смысле, он предлагает подробную классификацию паремий, разграничивая прежде всего паремии, имеющие форму незамкнутых предложений (поговорки, пожелания и т.п.), и паремии, имеющие форму замкнутых предложений (пословицы, приметы и т.п.).

В. Даль в предисловии к своему сборнику говорит о том, что «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения. При таком понятии о пословице мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» [Даль 2006в: 11].

«Народные паремии воссоздают духовные эталоны жизни общества, желания, суждения о самых различных гранях быта и социальной жизни. Созданные много веков назад, передаваясь от поколений к поколениям, паремии удерживали традиции народного бытия, укрепляли моральный образ народа. Это будто бы духовный кодекс народа, который отрегулировал существование каждого человека. Данные языковые единицы высказывают те идеи, к которым народ пришел в ходе своей социальной практики» [Аникин: 1957, 10].

Т.Г. Орлянская называет фразеологизмы и народные афоризмы, в число которых входят и пословицы с поговорками, «зеркалом и хранителем национальной культуры» [Орлянская: 2003, 28]. Любой язык в форме паремий крайне точно и четко «передает максимально значимое, актуальное и исклю-

чительно национальное содержание, присущее всякому в отдельности взятому народу» [Орлянская: 2003,48].

Как писал Е. Бартминьский в своей работе «Польский язык как символ национальной самобытности»: «Славянское языковое наследие, хорошо изученное благодаря языковедам, содержит общие концепты, выраженные словами, относящимися к религиозной сфере, экзистенциальной, ментальной и психической и особенно семейной и социальной» [Бартминьский: 2005, 34].

Итак, языковые афоризмы (в частности пословицы и поговорки) прежде всего фиксируют коллективный опыт людей: «Пословица не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей» [Аникин: 1996, 3].

В.П. Жуков в «Словаре русских пословиц и поговорок» под пословицами понимает «краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения», а под поговорками – «краткие народные изречения, имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченные предложения» [Жуков 2000: 11]. В качестве главной отличительной черты между пословицами и поговорками В.П. Жуков выделяет разную степень мотивированности. На основании этого в «Предисловии» к словарю он выделяет следующую классификацию паремий:

- паремии, которые к настоящему времени утратили свое буквальное значение (*Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Ворон ворону глаз не выклюет* и другие);

- паремии, которые сохранили двойную семантику – прямую и переносную, или символическую (*Аппетит приходит во время еды; Любишь кататься, люби и саночки возить*);

- паремии, используемые только в буквальном значении (*Век живи – век учись; Старый друг лучше новых двух*).

Итак, определение семантических и грамматических границ между поговоркой и пословицей – достаточно сложная задача. Мы можем справедливо сделать вывод о том, что в отечественном языкознании не сформировано единое мнение по данному вопросу. В нашем диссертационном исследовании мы будем придерживаться взглядов В.М. Мокиенко, утверждавшего, что «пословицы – это краткие, нередко ритмизованные изречения, представляющие собой законченные предложения и выражающие определенные умозаключения. Они относятся к речевым жанрам фольклора, так как не исполняются специально, как, например, сказки и песни, а употребляются в разговорной речи между прочим, кстати, к слову» [Мокиенко 1975: 18]. Он также обращал внимание на тот факт, что поговорка, в отличие от пословицы, не является полноценным афористичным жанром, поэтому она имеет фразеологический статус. В диссертационном исследовании мы также будем использовать термин «паремия», обозначающий пословицы и поговорки вообще, обоснованный Г.Л. Пермяковым в монографии «Основы структурной паремиологии». Он определял паремии как «особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами» [Пермяков 1988: 79].

В современном языкознании в рамках культурологии многие ученые обращаются к рассмотрению концептуальной картины мира путем анализа паремиологического пласта русского языка, который является культурно значимым фрагментом языковой картины мира, отражающим основные дидактические и ценностные ориентиры этноса.

В.В. Жданова в своей монографии «Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания» отмечает, что концепты обладают не только культурологической и лингвистической значимостью, но ещё и мифологической, мировоззренческой. Пословицы и поговор-

ки, вербализующие в своей структуре концепты языка, наиболее часто встречаются в речи его носителей.

По мнению О.Г. Дубровской пословицы и поговорки можно справедливо назвать лингвокультурологическими элементами, так как в их семантических проявлениях отражено мировосприятие того или иного народа, его традиции, религия, образ мыслей.

Мировосприятие, заключенное в паремиологических единицах языка, позволяет сквозь поколения пронести опыт предков, показать историю становления этноса, развитие его культуры и языка. Концептуальные образы, вербализуемые в пословицах и поговорках, способствуют сохранению и передаче культурного опыта каждого из ментальных сообществ.

Основываясь на перечисленных выше фактах, можно сделать заключение о том, что паремии – далеко не просто закамневшее высказывание из древности, используемое в подходящей ситуации, а и ценный источник информации, воспроизводящий культуру нации на обширном пути её развития.

1.5. «Дом-дерево-человек» как психологическая триада

Под картиной мира отечественные психологи и психолингвисты понимают отражение в сознании индивида окружающего его предметного мира со всеми возникающими между ними связями и когнитивными схемами. Любой предмет в сознании человека осмысливается с помощью языковых средств, то есть создается определенный языковой образ предмета. Данные образы, наполненные ассоциативным и метафорическим смыслом, и составляют концепт. Концепт как проявление антропоцентрического подхода обязательно включает в себя «языковую часть» и «неязыковую часть» (ментальные, психологические и культурологические смыслы).

Именно поэтому мы считаем необходимым рассмотреть лингвокультурологическую триаду «Дом», «Дерево», «Человек» с психологической точки

зрения. Одними из ключевых образов-концептов русской языковой картины мира являются, несомненно, образы-концепты «Дом», «Дерево», «Человек», которые легли в основу одноименного психологического теста, позволяющего оценить такие симптомокомплексы, как тревожность, враждебность, конфликтность и другие.

Тест «Дом-дерево-человек» был разработан американским психологом Джоном Буком в 1948 году. Данный тест помогает психологу при работе с испытуемым получить о нем необходимую информацию (например, работоспособность, уровень его развития, гибкость) с помощью рисунков. Данная методика традиционно относится к проективным, так как человек в большинстве случаев не догадывается, что на основе его рисунков можно сделать достаточно обширные выводы о его личностных качествах и состоянии на момент обследования. Через рисунок дома, дерева и человека неосознанно испытуемый проецирует свое отношение к некоторым объектам окружающей его действительности, жизненным ситуациям и самому себе. Отобранные в методике рисунки-стимулы являются не случайными, для каждого человека они являются значимыми, несут в себе определенные символы, данные реалии являются отправной точкой при познании человеком окружающего мира.

Тестируемому необходимо изобразить на бумаге *дом, дерево и человека*. Дополнительных комментариев психологи обычно не дают, ведь испытуемый должен рисовать так, как захочет сам. Желательно не использовать дополнительных канцелярских принадлежностей вроде линейки, циркуля, транспортира. Последовательность создания рисунков, согласно инструкции теста, не изменяется, так как каждый последующий рисунок несёт в себе все большую психологическую нагрузку и информационную насыщенность, все больше проецируются личностные реакции испытуемого.

Отходил от традиционного способа проведения данного теста американский психолог Роберт Баунс Бёрнс. Он просил тестируемых изобразить рисунки-стимулы на одном листе, сделать из них общее изображение. Его в

большей мере интересовали не внешние показатели рисунков-стимулов (цвет, размер, проработанность), а их связь (расположение относительно друг друга, пересечение и др.). В данном случае важным показателем может служить поочередность выполнения рисунков. Например, если первым рисуется *человек*, то это может говорить либо о самопроекции, то есть наличии какого-либо неразрешенного внутреннего конфликта, либо о повышенной эгоистичности тестируемого. Если первым было нарисовано *дерево*, то этот факт говорит о важности для человека жизненной энергии или о возможной усталости, переутомленности. Выполненный в первую очередь рисунок *дома* – показатель тесной связи с семьей или поиска защиты, безопасного места, наличия какого-либо беспокойства или страха.

Тест проводится в два этапа. Первый этап – невербальный – собственно создание рисунков дома, дерева, человека. Рисуя *дом*, человек непреднамеренно проецирует свои семейные отношения. Дом – это место, где мы всегда ищем тепло, заботу, поддержку, безопасность. Взрослый человек обычно отражает в рисунке дома отношения со своим супругом/супругой, ребенок – к родителям, реже к братьям или сестрам. Например, если ребенок рисует дом с трубой, из которой идет дым, важно обратить на этот элемент особое внимание. Если дым «оторван» от трубы, то это свидетельствует об обеспокоенности ребенка тем, что родители не понимают его и не разделяют его взглядов и интересов.

Рисунок *дерева* отвечает за внутренние черты испытуемого, за его эмоции. Также он может проецировать «острые» ситуации из прошлого. Чаще всего с помощью *дерева* тестируемый передает негативные чувства к самому себе, недовольство собой, самокритику. Также оно может отражать отношения личности в коллективе (классе, рабочей группе и др.). Например, если испытуемый изображает *дерево* с четко прорисованными упорядоченными ветвями, то это говорит о его отстраненности и обособленности в коллективе, спутанность ветвей – признак дружественных отношений.

Рисунок *человека* воспринимается психологами намного глубже. Разработаны даже отдельные методики интерпретации рисунка человека, например, тест «Рисунок человека» (Ф. Гуденаф, К. Маховер). В целом, необходимо выделить тот факт, что рисунок человека проецирует отношение личности к своему внешнему облику, восприятие отношения к собственному «Я» с психологической точки зрения. По рисунку человека можно прочесть и воссоздать образ «Идеального Я». Нередко бывают случаи категорического отказа тестируемых от изображения человека, это свойственно людям, боящимся поражения. Психологу важно выявить причины любого необычного положения рук или ног в нарисованной фигуре. Если изображение выполнено в профиль и половина туловища не видна, то необходимо выяснить все подробности расположения второй руки, есть ли в ней какие-либо предметы, лежит ли она в кармане или ней выполняется другое действие.

После создания рисунков начинается вербальная стадия теста. Испытуемому дают возможность описать свои рисунки, пояснить важные элементы изображений, высказать связанные с ними ассоциации. Данный этап позволяет проанализировать не только личностные особенности испытуемого, но и выделить его отношение к культуре, языку (например, важным в этом плане является словарный запас, употребление в речи устойчивых выражений, отсылка к культурным ценностям). Процесс рисования порождает в сознании личности различные образы, ассоциации, что позволяет ему раскрыть проблемы и трудности прошлого, которые казались внешне забытыми. Вербальный этап тестирования состоит из 64 вопросов построенных особым образом (наподобие спирали), что позволяет избежать кратких формальных ответов. В опроснике лаконичные и конкретные вопросы постоянно чередуются с более абстрактными, размытыми, что препятствует запоминанию предыдущих ответов. Данный этап не имеет строго ограниченной структуры проведения, вопросы могут меняться местами, опускаться, добавляться новые. Главная цель вербального этапа – определить значение для испытуемого стимульных слов *дом, дерево, человек*.

По завершению пострисуночного опроса психологу необходимо выяснить, почему отсутствуют некоторые стандартные детали рисунков (например, изображен дом без дверей и окон, человек без рук или шеи, дерево без листьев). Также важно выяснить значение некоторых необычных деталей в изображениях (человек с крыльями, дом со сферической крышей или разбитыми окнами, дерево с несколькими сросшимися стволами или обломанными ветками и др.) или нестандартных размерных соотношений (человек выше дома, руки человека длиннее ног, листья дерева больше веток). Психологи утверждают, что сломанные или «мертвые» ветви дерева говорят о перенесенных в прошлом тяжелых психологических травмах. Время получения душевной травмы можно определить по высоте надлома: чем ближе к корню расположена сломанная ветвь, тем старше проблема (основание ствола у корня – раннее детство, вершина кроны – настоящий момент, ствол дерева – промежуточное время).

При анализе рисунков важно учитывать, что каждая из сторон имеет свое временное отношение, например, левая сторона рисунка символизирует прошлое, правая отвечает за будущее, центральная часть – настоящее. Например, человек, изображенный между ветхим домом (слева) и огромным деревом (справа) может говорить о тяжело переносимом в данный момент бракоразводном процессе. На рисунок человека временные отношения не распространяются, так как правша обычно рисует лицо человека, обращенное влево, а левша – вправо. Время проведения вербальной части теста не ограничено, поэтому его можно прерывать, переносить на другой сеанс, сокращать количество вопросов.

Таким образом, мы видим, что отобранная нами триада слов «Дом-дерево-человек» является очень значимой с точки зрения психологического исследования личности. Анализируя символику данных понятий в сознании отдельно взятой личности, мы можем выйти на более широкое понятие – коллективное сознание. Ассоциации, нанизываясь одна на другую, помогают нам воссоздать коллективную, то есть ментальную картину мира, в которой

значимыми единицами являются уже не символы и психологические реакции, а культурно значимые концепты, к которым мы можем отнести и обозначенные нами реалии «Дом», «Дерево», «Человек».

Выводы по главе

В современном языкознании наметилась тенденция к изучению лингвистических явлений и процессов на основе нелингвистических реалий, то есть анализ действительности проводится сквозь призму сознания языковой личности, отображая его познавательные процессы и мировоззренческие основы. Лингвисты обозначают данную тенденцию как антропоцентрическую парадигму, в рамках которой наиболее четко сформированы и обоснованы два подхода к рассмотрению процесса концептуализации мира.

Первый подход сформировался в рамках когнитивной лингвистики и понимает концепт как единицу мыслительной деятельности отдельно взятого человека. То есть процесс формирования языковой картины мира зависит от особенностей познавательных процессов каждого индивида. Когнитивистика рассматривает мышление как первичное образование, а язык как вторичное.

Данной точке зрения противопоставлен подход, разработанный в рамках лингвокультурологии. Он определяет концепт как культурный конструкт, вербализуемый языковыми средствами и определяющий образ жизни и миропонимание отдельно взятого человека. То есть мыслительный процесс человека зависит от тех категорий, которые были сформированы на протяжении веков в коллективном народном сознании. Концепт воспринимается сквозь культуру, менталитет, мифологические представления, присущие определенному этносу.

Процесс концептуализации мира приводит к формированию и постоянному расширению языковой картины мира, которая понимается как отражение процессов и явлений окружающей действительности средствами языка. Элементами языковой картины мира являются концепты, которые в рам-

ках лингвокультурологического подхода можно трактовать как ментальные единицы, отражающие культурную специфику определенного этноса. Концепт исследуется путем анализа способов его вербализации в определенном языке, например, концепт может репрезентироваться на основе паремиологического фонда языка или проведения ассоциативного эксперимента.

Интерес к паремиям с лингвистической точки зрения начал проявляться в начале XX века. Паремиологический фонд русского языка создается совокупностью следующих жанров: пословицы, поговорки, скороговорки, потешки и т.д. Сложным вопросом в рамках современной паремиологии является вопрос разграничения пословиц и поговорок. Они классифицируются по различным основаниям – степени мотивированности, грамматической полноте и другим.

Под пословицей понимается краткое афористичное изречение, представляющее собой законченную синтаксическую конструкцию и имеющее определенную дидактическую семантику, выраженную прямым или переносным значением.

Поговорка, в отличие от пословицы, выражает только прямое значение и не является полноценным афористичным жанром, что придает ей фразеологический статус.

В связи с неоднозначным определением понятий «пословица» и «поговорка» в лингвистике сложилось несколько направлений исследования в области паремиологии, например, нахождение пословичных эквивалентов в разных языках, диахроническое изучение трансформаций в области паремиологии, анализ паремий с целью реконструкции концептуализации мира и другие.

Для исследования нами выбраны концепты «Дом», «Дерево», «Человек». Необходимо отметить, что данное сочетание образов является значимым не только с лингвистической точки зрения, но и занимает особую нишу в области психологических исследований.

Анализ триады «Дом-дерево-человек» с точки зрения психологии показал, что проективная методика, разработанная Дж. Буком, является очень значимым средством изучения личности. Каждый из следующих друг за другом рисунков-символов позволяет более объемно рассмотреть процессы, происходящие в сознании отдельно взятого человека. При движении от *дома* к *дереву*, а затем и к *человеку* личностная реакция проецируются всё отчетливее.

Таким образом, образы дома, дерева и человека вызывают в сознании испытуемого определенные реакции, символы, ассоциации, подтексты, что позволяет достаточно продуктивно использовать данную рисуночную методику в целях изучения уровня развития личности, тревожности, его взаимоотношений с окружающими, наличия страхов и т.д.

Глава II. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ДОМ», «ДЕРЕВО», «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Дом» в русской языковой картине мира

Одним из главных объектов анализа при рассмотрении ментальной картины мира является область человеческого быта. Именно поэтому бытовая лексика активно исследуется лексикологами, диалектологами, лексикографами, лингвокультурологами, историками языка. Подробное изучение бытовой лексики позволяет ученым установить некоторые факты экстралингвистического характера, например, проследить за ходом становления культуры, развития языка, формирования народного мировоззрения и т.д. Эволюция мыслительной деятельности обязательным образом просматривается в различных лингвистических фактах, в том числе и в процессе концептуализации мира.

В пласт бытовой лексики мы включаем и наименования построек, предназначенных для жизни человека. К примеру, изучив номинации, входящие в семантическое поле концепта «Дом», можно определить мифологические представления наших предков, выявить особенности окружающей среды и жизненного уклада, развития межкультурной коммуникации и международных отношений.

Возникновение жилья считается главным результатом осмысления человеком пространственной организации окружающего мира. Дом стал физическим центром данного пространства, он обрел статус ключевого культурного объекта. Теперь все предметы, находящиеся за пределами жилого по-

мещения и неподвластные доменной схематизации, так или иначе начали рассматриваться и оцениваться сквозь структуру человеческого жилья. Дом в сознании человека приобрел не только защитную функцию, но и получил особый сакральный смысл. Сходную мысль высказывал А.К. Байбурин, «дом придал миру пространственный смысл, укрепив этим самым свой статус наиболее организованной его части» [Байбурин 1983: 10].

Концепт «Дом» является непростым многоуровневым конструктом, в котором тем или иным образом отображаются мифологические, мировоззренческие, социальные взгляды. Он содержит в себе ассоциативно-образный слой, куда помещаются, кроме словарных дефиниций, метафорические и метонимические значения слов-стимулов. Образ дома, существующий в коллективном сознании носителей русского языка, обретает свое выражение на многих языковых уровнях, например, на лексическом, паремиологическом, фразеологическом. Паремиологические единицы подтверждают справедливость взглядов русского народа на данное пространственное образование, как на средоточие духовности, обычаев, традиционного семейного уклада жизни.

В большинстве словарей русского языка для слова *дом* в качестве основного, первого значения выделяется «здание, жилое помещение», а значение «семья, род» выступает как переносное. Исследования последних десятилетий в области этимологии показали, что так называемое добавочное, значение лексемы *дом* наблюдается не только в русском, но и во многих языках индоевропейской группы, а в некоторых из них выступает в качестве основного значения. Например, латинское слово *domus* имеет значение дома не как жилой постройки, а выступает символом семьи, это, прежде всего, социальный термин, а не строительный. О.Н. Трубачев также утверждает, что «*domus* обозначает семью, род. По этой причине основа данного слова входит в состав греч. *demspot* – «деспот» («господин, глава семьи»), социального по своей природе термина» [Трубачев 1976: 149]. Ученый подтверждает это русскими формами *домой*, *дома*, которые, при всей своей специфике наречий из старых падежных форм, по-прежнему имеют именные значения «к се-

бе», «у себя», а не «под крышу», «под крышей». Если эти рассуждения справедливы, то соотношение *дом – дерево* тождественно соотношению *семья – дерево*, а это уже репрезентация мифологических представлений о том, что мир, окружающий человека, зеркально отражает мир природы (См. об этом, в частности, монографию С.А. Кошарной «Миф и язык», 2002). С концептуальной точки зрения, дерево – это не просто растение, а символ родства (отсюда возникает генеалогическое дерево). Таким образом, семантическая диада «*дом – дерево*» достраивается до триады «*дом – дерево – семья (человек)*». Поэтому данная подборка слов становится связанной между собой, концептуально значимой системой.

В.В. Колесов в монографии «Мир человека в слове Древней Руси» отмечает, что слово *дом* «ничего и не значит, как просто «дом», и потому первоначальный смысл корня выделить достаточно сложно. Так как дом – это «жилье вообще», то слово это и стало родовым обозначением жилья, а также всего, что в нем расположено» [Колесов 1986: 194].

В.Е. Гольдин указывает в статье «О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах», что классификация слов данной категории вызывает немало противоречий: «Лингвисты, исходя не из семантических закономерностей, а из той или иной группировки предметов и явлений, очень часто не имеют прочных оснований для своих классификаций и стоят на грани утраты предмета своей науки» [Гольдин 1995: 282]. Автор также выделяет в качестве частотных следующие номинации типичного русского жилья: *дом, хата, изба*. В различных наречиях и диалектах данные лексемы проходили неодинаковые стадии развития, что привело к их семантической неоднородности, а иногда и к получению противоположной экспрессивной коннотации.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова лексема *дом* известна в значении «жилое здание, строение, жилое пространство человека» [Ушаков, 1 2005: 425]. Слово *дом* имеет также добавочные значения «династия», «семья», «государственное учреждение», а также диалектные значения

«двор», «дом с пристройками» (например, *Домами надобно ходить* означает «нужно поддерживать дружескую связь с кем-либо, например, с соседями»). В словаре В.И. Даля *дом* – это «изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками (без указания места)» [Словарь русских народных говоров, 8 1975: 116].

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой семантика слова *дом* дается в следующей последовательности, что подтверждает наше предположение о наличии у слова главного и добавочного значений, отраженных в русских поговорках: «1. Здание, строение; 2. Жилое помещение, квартира; 3. Семья, люди, живущие вместе» [Словарь русского языка 1985: 425].

В.В. Колесов отмечает, что любое производное слово даже с течением времени не теряет семантической связи с производящим: «Общее значение слов с корнем *дом-* можно было бы описать как «искусственно созданное и для каких-либо целей предназначенное помещение»: *домец* – «деревенская игра, род лапты», *домик* – «пчелиный улей», *домник* – «чан для варки пива», *домушка* – «будка для собаки» [Колесов 1986: 195].

Предположительно, ближайшими к ядру концепта «Дом» лексемами, являются следующие номинации жилых построек: *дом, хата, изба*. Строго разделить данные слова в семантическом плане довольно трудно, так как разница в данном случае связана не с лингвистическими особенностями указанных слов, а с внешними различиями самих реалий, с многообразием типов жилых построек в русской культуре. «Уже в очень раннее время, в начале первого тысячелетия нашей эры, просматривается разнообразие в строительстве домов у северной и южной групп восточнославянских племен. На севере, поросшем густыми хвойными и лиственными лесами, чаще всего использовали срубную постройку из бревен и досок, на юге в условиях лесостепной зоны жильем служили постройки полуземляночного характера. Это разнообразие служит поводом в дальнейшем к сложению основных типов русского жилья – *бревенчатой избы (сруба)* в средних областях и *хаты-мазанки* на

Украине. Квадратный сруб характеризовал простую форму древесного жилища – *избы*. Срубы изб попадаются при раскопках большинства населенных пунктов народа Руси» [Воронин 1948: 208].

Следующая лексема, используемая на Руси для номинации жилья – *хата*. Это особый вид сельской жилой постройки, распространенный на территории южной и юго-западной частей страны *Хата* строилась без фундамента. Это саманная, глинобитная постройка с крышей из лозы, камыша и соломы, выбеленная раствором мела или извести. Данное слово пришло в наш язык из культуры Восточной Украины, что было обусловлено тесной межкультурной коммуникацией с жителями данной территории. Лексема *хата* достаточно быстро была ассимилирована русским языком, на что указывает ряд производных слов: *хатица, хатина, хатка*.

Достаточно распространенными наименованиями жилища как постройки на Руси были и два других зодческих термина – *хоромы* и *палаты*. Активное распространение они получили во времена Царской России. Только *хоромы*, – как сказано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, – «здание деревянное, а *палаты* каменное (*От трудов праведных не наживешь палат каменных*)» [Даль 2006г: 346]. По данным исторических летописей, жилище

По свидетельствам летописных памятников, жилище из камня и твердых пород не строилось вплоть до X века. Самые ранние упоминания о каменных постройках можно обнаружить в Киевской летописи от 945-989 годов. Многочисленные работы, проведенные археологами, также подтверждают этот факт. Каменное жилье пришло на Русь вместе с ее Крещением в 988 году. Позже из камня стали строить городские стены-укрепления для защиты от вражеских набегов. Одной из первых каменная Новгородская стена была воздвигнута в 1044 году. Происхождение слова *стена* тоже связано с этим периодом: готское слово *stains* – «камень» связано с обозначением нового строительного материала, который освоили наши предки-славяне. Итак, изучение истории культурного факта позволило нам выявить лингвистиче-

ский факт пополнения словарного запаса новой лексемой стена, связанной со строительством жилья, путем заимствования из другого языка. Проведя сравнительный анализ словарных дефиниций лексем *хоромы* и *палаты*, можно выявить, что слово *палаты* возникло в нашем языке сравнительно позже, что связано с более поздним освоением камня как строительного материала.

Этимологический анализ слова *хоромы* позволяет установить, что данное слово исторически имеет более широкую семантику, чем в современном языкознании. *Хоромами* обозначались самые различные «деревянные постройки, включая ограждения, ворота, оборонительные черты, не предназначенные для прямого проживания человека» (*Чей дом, того и хоромы*). Использование множественного числа слова указывает на тот факт, что постройка имеет сложную структуру, состоящую из множества составных частей или сходных элементов.

Семантические различия между указанной парой можно проследить в тексте Указа правительства от 1688 года, в котором вводился строгий запрет на постройку трехэтажных *хором* и деревянных чердаков над каменными *палатами* в целях защиты жилых построек от пожара («а впредь на палатах своих деревянного хоромного строения отнюдь ни которыми делы никому делать не велено»).

В древнерусских текстах можно встретить особенные формы слова *хоромы*: *храмина*, *храм*, *храмец*. Они используются для обозначения «часовни, горницы, шатра». И только с течением времени к середине XIV века *храм* приобретает значение «здания для молитвы, культового здания». Именно в этот период происходит распад синонимической триады «дом – храм – хоромы» с последующим семантическим расхождением: *дом* – «жилое здание», *храм* – «культовое здание для совершения молитвы», *хоромы* – «богатый дом, дворец из дерева».

Зодческий термин *терем*, используемый также для обозначения жилья и довольно часто употребляемый в фольклорных жанрах, по определению

историков языка, является заимствованием из греческого языка. Изначально в древнерусских памятниках слово *терем* фиксировалось в форме *теремьнь*. Греческое слово *teremnon* в результате усложнения основы (переход непроемной основы в производную) и отсечения неоправданного суффикса – *ьнь* (по аналогии с именными прилагательными зима – зимний, вечер – вечерний) преобразовалось в древнерусское слово *терем*, обозначающее «дом, жилище». В «Словаре архитектурных терминов» Ф.В. Каржавина приводится следующее толкование слова: «Терем – так названный, кажется, от греческого слова *τορξυμα* (торевма) аки бы резною и гранитовую работой изукрашенные покои» [Каржавин 1989: 359].

Слово *чертог*, которое имеет семантику «палата, большой и пышный покой», было заимствовано древнерусским языком через древнебулгарский от персидского слова *čartāk* («высокая, выступающая часть балкона») [Фасмер 2004б: 348]. В фольклорных жанрах данная лексема часто имеет отрицательную коннотацию (*Как живем, не видит Бог – уж высок его чертог*).

Слово *халуна*, обозначающее «небольшое, обычно бедное жилье» было заимствовано через польский язык (слово *chalupa*) из персидского *Kulba*. Вероятно, родственным ей словом является лексема *халуга* («шалаш, сплетенный из веток») [Фасмер 2004б: 219]. Данная семантика прослеживается и в пословице *Денег достала – халуна тесна стала*. 0+1

Лексема *хибара* (варианты – *ехибарка*, *хибурка*), заимствовано из немецкого языка, в котором *das Kabor* обозначает «место, где прячут краденое» [Фасмер 2004б: 234].

Барак, использующийся для определения «временной примитивной постройки для рабочих или пленных» был заимствован из французского языка (*baraque*), восходит к итальянскому слову *baracca* [Фасмер 2004а: 123]. Лексема отражена только в одной пословице (*Наш барак строил дурак – три стены ни на что не годны*).

К общим номинантам жилья можно также отнести лексемы, производные от глагола *жить*: *прожитбище* – «место, где можно проживать»; *жи-*

тельство – «жилище, обиталище, жильё, дом или занимаемое кем-либо помещение» [Даль 2006а: 545]; *житьё* – «помещение для жилья, жилище» [Словарь русских народных говоров 1976: 197]; *жира* – «жилое помещение, дом, изба» [Словарь русских народных говоров 1976: 181]; *жирушка* – «жилое помещение, изба» [Словарь русских народных говоров 1976: 187]; *жило* – «всякая постройка» [Словарь русских народных говоров 1976: 175].

Общими наименованиями жилых построек считаются, в том числе, и следующие лексемы: *дымь* – «дом, жилище»; *домовище* – «жилище»; *хануля* – «хата, изба»; *хатица* – «хата, избушка»; *хуть* – «угол, также в значении дом». Эти лексемы используются для обозначения любого из типов жилья, поэтому что не выражают конкретного семантически дифференцированного определения.

Наряду с общеязыковыми лексемами (*дом, жилище, квартира*) имеется множество всем известных полутерминированных слов и словосочетаний. Например, *жилплощадь, жилой блок, особняк, пятиэтажка, высотный дом, небоскреб, коттедж*.

Таким образом, поле концепта «Дом» в современном языке активно расширяется за счет номинаций, описывающих данный фрагмент современной действительности. К ним можно отнести следующие лексемы: *апартаменты* («очень большая, просторная комната»), *вилла* («богатый загородный дом, предназначенный для временного, сезонного проживания»), *гостиница* («жилое помещение для временного расселения проживающих»), *дворец, квартира* («один из видов жилого помещения, состоящий из одной или нескольких смежных комнат, составляющий отдельную часть дома»), *коттедж* («одноквартирный частный дом с участком земли»), *небоскреб* («очень высокое многоэтажное здание»), *общежитие, особняк* («богато декорированный отдельно стоящий частный дом»), *пенаты* («родной дом»), *пентхауз* («жилое место на крыше многоэтажки»), *таунхауз* («малоэтажный жилой дом с несколькими подъездами»), *усадьба* («дом с хозяйственными постройками»), *фатера* (диалектизм), *флэт* (жаргонизм).

Таким образом, в русской культурной традиции дом – это не только помещение, предназначенное для жизни человека, но и прообраз семьи, уюта и благополучия, родственных отношений. Именно появление дома как объекта реальной действительности привело человека к освоению пространственных отношений.

В зависимости от значения, которое репрезентируется в лексеме «Дом», паремии можно классифицировать следующим образом:

1) Паремии, в которых дом обозначает «здание, помещение, жилое строение», дом как реально существующий физический объект (*Дом дело найдет; Дома и стены помогают; Держись друга старого, а дома нового; Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится и другие*);

2) Паремии, в которых дом обозначает «семью» (*Будь как дома; И дома, и замужем; Хозяйкою дом стоит; Бегают от дому, будто черт от грома; В людях ангел – не жена, дома с мужем – сатана*).

3) Основой традиционного жилища был сруб – бревенчатое строение без пола, наката и крыши (*Был дуб, а стал сруб, время прибудет – и того не будет*).

4) Слово *изба* и его дериваты (*избушка, избенка*) имеют в своей основе дополнительную коннотацию «жилище небогатого человека». При этом оно включается в семантическую оппозицию «*изба – хоромы*» (*Изба жилком пахнет; К пустой избе замка не надо; Криком избы не построишь; Без хозяина – двор, а без хозяйки изба плачет; Была бы изба нова, а сверчки будут; В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет*).

5) Слово *хоромы* первоначально «дом-крепость из дерева» достаточно рано получает дополнительное значение «большой, красивый, богатый дом» (*Залетела ворона в высокие хоромы; Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет; Залетела ворона в царские хоромы: почету много, а полету нет; Из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана; Кучи хоромину житую, а шубу шитую!*).

6) Как особый вариант лексемы хоромы выступает слово *храм* как «культовое здание, церковь, Божий дом» (*Абрам, Абрам, да не божий же храм; Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы*).

7) Слово *изба* распространяется преимущественно по Северу России, поэтому на Юге России и в Малороссии появляется новое наименование жилого строения – *хата*. Лексемы *изба* и *хата* являются противопоставленными диалектными лексическими явлениями (*Была у собаки хата – и та волками занята; Моя хата с краю, я ничего не знаю; Одна хата – и та без крыши; Своя хатка – родная матка*).

Всего нами было проанализировано 22 лексемы, так или иначе раскрывающих концепт «Дом» в русской лингвокультурологической традиции. К ним мы отнесем собственно слово *дом*, а также слова: *хата, изба, хоромы, палаты, двор, терем, чертог, халуна, хибара, барак, дача, прожитбище, жительство, житье, жира, жирушка, жили, усадьба, сруб*. При этом в общей сумме лексем мы не учитывали дериваты, т.е. производные слова от некоторых лексем (например, *дом – донец, домик, домник, домушка, домовище, дым; хата – хатица, хатина, хатка, хуть; изба – истьба, истопка, истебка, истобка* и др).

Чтобы понять, какие из лексем чаще всего находят свое отражение в русской языковой картине мира, будучи включенными в структуру паремий, представим таблицу 1.

Таблица 1. Лексические средства вербализации концепта «Дом»

	Лексема	Значение, символика	Количество				Всего	%
			Поговорок	%	Пословиц	%		
Дом	Дом 1	жилое помещение	6	3%	34	20%	40	23%
	Дом 2	символ семьи, родственных отношений	5	3%	29	17%	34	20%
номинация	Изба	жилище небогатого человека	6	3%	22	13%	28	16%
	Сруб	бревенчатое строение без пола	0	0	3	2%	3	2%
	Хата	жилище из глины	2	1%	12	7%	14	8%

Хоромы	дом-крепость из дерева	2	1%	8	5%	10	6%
Палаты	дом-крепость из камня	0	0	12	7%	12	7%
Храм	культовое здание для совершения молитвы	0	0	4	2%	4	2%
Церковь	Божий дом	0	0	5	3%	5	3%
Терем	резной деревянный дом	2	1%	17	10%	19	11%
Халупа	бедное жилище	0	0	1	0,5%	1	0,5%
Барак	временная постройка	0	0	1	0,5%	1	0,5%
Чертог	большое богатое жильё	0	0	1	0,5%	1	0,5%
Хибара	место для временного укрытия	0	0	0	0	0	0
Дача	загородный дом	0	0	2	1%	2	1%
Усадьба	дом с хозяйственными постройками	0	0	1	0,5%	1	0,5%
Всего:		23	13%	152	87%	175	100%

Как видим, в большей мере концепт «Дом» репрезентируется через средство пословиц (152 пословицы), в меньшей мере его вербализации употребляются в составе поговорок (23). Что касается непосредственно лексических репрезентаций, то самыми частотными, а, следовательно, культурно значимыми лексемами являются номинации *дом*, *изба*, *терем*.

1. Лексема *дом* употребляется в составе 6% поговорок и 37% пословиц от общего числа паремий. Этот факт во многом объясняет, почему именно данная лексема стоит во главе данного концептуального поля.

2. Лексема *изба* – 3% поговорок и 13% пословиц.

Нечастотное употребление слова *хата* в паремиях, на наш взгляд, связано с тем, что данное слово является диалектизмом (1% поговорок и 7% пословиц), то есть территориально ограниченным словом. Слово *сруб* является семантическим «двойником» слова *изба* (2% пословиц), а *храм* исторически является формой слова *хоромы* (2% пословиц).

Нельзя не обратить внимание на то, что лексемы, обозначающие современные жилые постройки (*апартаменты*, *коттедж*, *небоскреб* и др.),

не нашли своего отражения в паремиологическом пласте русского языка, что говорит о довольно медленном наполнении этого пластов новыми лингвокультурными единицами.

2.2. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Дерево» в русской языковой картине мира

В настоящее время интерес исследователей все чаще направляется в сторону установления связей между культурой определенного народа и особенностями его языка. Изучая историю языка сквозь призму культурного становления народа, можно постичь мировоззренческие основы предков. Именно поэтому становление лингвокультурологии как науки можно назвать одним из приоритетных направлений развития современного языкознания. Она возникла «на стыке лингвистики и культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 1997: 8]. Взаимоотношение культуры и природы считается одним из важнейших вопросов данной дисциплины, так как изначально культура основывалась на освоении природных элементов человеком. Именно поэтому изучение концептосферы определенного народа тесно связано с рассмотрением его природных объектов и явлений. Это утверждение подтверждается высказыванием П.А. Флоренского: «В основе всякого явления культуры лежит некое природное явление, возделываемое культурой» [Флоренский 1992: 128]. Таким образом, он подчеркивает, что культура тесно взаимосвязана с природой, она зарождается и развивается внутри неё. Так как культура, согласно определению культурологов, – это духовные и материальные блага, созданные и используемые человеком, то мы можем прийти к следующему выводу: человек является главным связующим звеном между культурой и природой. Природа, в свою очередь, становится для человека той областью, в которой на бессознательном уровне он ищет ответы на вопросы об устрой-

стве мира и смысле человеческого существования. Всестороннее осмысление природных явлений осуществляется с помощью категорий и понятий, выработанных культурой и наукой. Значит, все перечисленные выше категории находятся в тесной связи друг с другом и постигаются только при сопоставлении. Именно поэтому углубленное изучение указанных связей является одной из главных задач лингвокультурологии.

Образ *дерева* в данном случае является наиболее значимым, так как в нем наиболее полно отражено мировоззрение народа, развитие культуры, традиций и верований человека, так как именно в растениях «с какой-то удивительной простотой выступают изначальные закономерности бытия» [Эпштейн 1990: 41]. Это значит, что природные образы, отраженные в мифологии и устном народном творчестве, можно считать в равной степени и элементами культуры, и элементами языка, они занимают промежуточное положение и могут рассматриваться в качестве объекта сразу нескольких научных дисциплин.

Дерево в русской культуре еще со времен язычества имеет особую ритуальную функцию – оно является объектом поклонения и наделяется определенными свойствами живых существ. Эта особенность легла в основу метафоризации *дерева*, его сопоставления с человеком.

В.И. Даль понимает *дерево* как «самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пень или лесину, и состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006а: 488]. Словарную статью он иллюстрирует многочисленными примерами употребления данной лексемы в устной и письменной речи, в том числе, приводит такие пословицы: *Лес по дереву не плачет; От доброго дерева добрый и плод; Нет такого дерева, чтоб на него птица не садилась; И на дереве лист на лист не приходится* и другие.

Одним из центральных образов язычества считался образ *Мирового Древа*, объединяющий в себе подземный, земной и небесный мир. Он лежит в основе мироздания и является основой жизни. Его подземная часть символи-

зировала зло, нечистую силу, темную, греховную сторону жизни. Крона *Древа* населялась божествами, считалась священной, а его ствол считался местом для проведения ритуальных жертвоприношений (дары, принесенные языческим божествам, либо привязывали к стволу, либо оставляли у его основания).

Довольно часто в различных фольклорных жанрах образ *дерева* соотносился именно с человеком. В русских пословицах и поговорках важное место занимает мифологическая и культурологическая диада «дерево-человек»: *Смотри дерево по плодам, а человека по делам; Дерево сильно корнями, а человек – родственниками; У дерева – ветви, у человека – друзья*. Данный образ считается архетипическим и стоит у истоков русской культуры. Дополнительно этот образ символизирует стремление к мудрости и саморазвитию.

Определение круга лексем, образующих семантическое поле концепта «Дерево», является довольно объемной задачей. На наш взгляд, именно фольклорные тексты, содержащие в своём составе лексему *дерево* как собственно растение (6 поговорок и 21 пословица) и другие слова с компонентом-названием дерева, являются в данном случае наиболее ценным материалом для анализа. Особое внимание обратим на паремиологические единицы: *Кривое дерево в сук растет; Как ни гнети дерево, оно все вверх растет; Неказисто дерево, да вкусен плод*.

Стоит обратить внимание на тот факт, что лексем, номинирующие «Дерево» в русском языке являются неоднородными фактами: некоторые из них вербализуются в пословицах и поговорках более полно, а некоторые из них практически не встречаются в данных языковых единицах. Например, в славянской фольклорной традиции *дуб, береза, осина* являются культовыми растениями, поэтому они наиболее частотны в паремиях, а *ясень, черёмуха* и некоторые другие деревья практически не употребляются в них.

В славянской мифологии *дерево* использовалось для кодирования абсолютно любого факта человеческой жизни, оно является универсальной культурной реалией, поэтому к его функциям относим следующие:

- воплощение человеческого образа – 5 поговорок, 17 пословиц (*Дерево стало кривым, когда было молодым; Недалеко от дерева яблочко падает; Каков корень, таков и отпрыск; Дерево ценят по плодам, а человека — по делам*);

- обозначение места обитания божественных и тёмных сил, отражение праведной и греховной жизни человека, связь человека с небом и землёй (*Из одного дерева икона и лопата; Осина все шепчется, а проклятое дерево; Грех – с орех, ядро – с ведро*);

- номинация источника зарождения жизни, сакрального центра мироздания – Мировое Древо (*Не вырасти дереву корнем кверху; Дерево не погибнет, если корни здоровы; Хорошее дерево кверху растёт, кривое – книзу гнёт*);

- реконструкция родственных связей – генеалогическое дерево (*От яблони – яблочки, а от сосны – шишки; Листья опадают, а дерево живёт; От доброго дерева добрый и плод; Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын*);

- восприятие дерева как символа плодородия, развития, духовного роста (*Знать дерево по его плоду; Дерево скоро садят, да не скоро от него плоды едят; Дуб свой рост не спеша набирает*);

- установление нравственного ориентира для человека – трусость и слабость, озлобленность, лень воспринимались негативно, а сила, бодрость, доброта, трудолюбие – положительно (*Кривого дерева не выпрямишь; От одного порченого яблока целый воз загнивает; Старое дерево трещит, молодое – летит*);

- выражение психологических состояний и чувств живого – грусть, тоска, счастье (*Дерево хочет покоя, да ветер не хочет; Не от добра дерево листья роняет*).

В рамках лингвокультурологического подхода диада «растение-человек» разрабатывалась в работах Н.Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях» (1992), В.Б. Колосовой «Лексика и символика славянской народ-

ной ботаники. Этнолингвистический аспект» (2009), В.П. Кругликовой «Семантика дерева в русской народной культуре» (2010).

Согласно верованиям славян, *деревья* наделялись магической силой, как целительной, так и разрушительной. Из *березовой, дубовой, вишневой* древесины изготавливались обереги и талисманы. Некоторые деревья могли навлечь беду и символизировали несчастья и горе, например, *рябина, сосна, осина*.

Таким образом, паремии, включающие в свой состав лексему дерево или компонент-название дерева, реализуют широкий семантический спектр. Это связано с восприятием образа *дерева* как определенного денотата, обладающего сакральным смыслом. Мы можем утверждать, что концепт «Дерево», вербализуемый множеством лексем, занимает важное место в концептуальной картине мира русского народа.

Менталитет русского человека сформировался таким образом, что *дуб* до сих пор считается одним из самых благородных и почитаемых деревьев. «У славян дуб занимает первое место в ряду деревьев, он соотносится с верхним миром, характеризуется положительной коннотацией» [Маслова 2007: 59]. Именно *дуб* изображался в качестве Мирового Древа, отсюда и его культурологическая значимость. В русской культуре он соотносится с мужским началом, то есть с хозяином дома и его сыновьями. В пословицах и поговорках русского языка он символизирует силу, прочность, крепость, неприступность: *С одного удара дуба не свалишь; Держись за дубок, дубок в землю глубок; Не срубишь дуба, не отдув губы*.

В современном русском языке переносное значение лексемы *дуб* трансформировалось и получило негативную коннотацию. Например, пословицы: *С дуб вырос, а ума на грош не вынес; Дубовую голову не проймешь словом, надо колом* – используются для обозначения глупого, «недалекого» человека.

Фольклор можно назвать одним из важнейших проявлений культуры, поэтому целесообразно обратиться к его жанрам, так как они фиксируют от-

ношение человека к *березе*. Данная лексема также включается нами в семантическое поле концепта «Дерево». *Береза* в русской культуре воспринимается как символ любви, светлых чувств (*Берёза ума даёт; Берёза не угроза, где стоит, там и шумит*). В народных обрядовых и свадебных песнях она является прообразом девушки.

Липа у восточных и западных славян воспринималась как святое дерево, она считается деревом Богородицы. Из её древесины изготавливались рамки для икон. В русской паремии она отражается как с положительной коннотацией, так и с отрицательной. Пословицы *Сосна кормит, липа одевает; Спасает нас от гриппа, от простуд царевна – липа* раскрывают положительную семантику данной лексемы. Противоположный смысл можно увидеть в следующих паремиях: *Употчевали гостя липовым лещом; Бары липовые, а мужики дубовые; Облупили, как липку, обобрали, как малинку*.

Прообразом женского начала в славянской культуре является *яблоня*, она всегда символизировала материнство. Иногда под ней подразумевали образ жены. Традиционно она наделялась положительными чертами (*Точно в яблочко; По яблоне – яблоки, по пню – опёнки; Яблоко от яблони недалеко падает; От хорошей яблони яблоки хорошие родятся*).

Отрицательной коннотацией в русской культуре наделялась *ель*, прежде всего, это обусловлено тем, что данное дерево использовалось в похоронном обряде, из него строили склепы. Под *елью* совершались захоронения людей, обладающих «нечистой» душой, так как считалось, что в её ветвях прячутся злые сущности (*Еловым веником парить; Как хлеба край, так и под елью рай, а хлеба ни куска, так и в тереме тоска*).

Лингвокультурологи наделяют женским началом еще и *рябину*, но она имеет достаточно узкую семантику, поэтому в пословицах и поговорках встречается редко. Сама она ассоциируется с горюющей женщиной, а горькие ягоды – с печальной жизнью (*В сентябре одна ягода, и та – горькая рябина; Не нашему носу рябину клевать*).

Лексема *вяз* в русской культуре ассоциируется с гибкостью, она встречается только в двух пословицах: *Исподволь и ольху согнешь, а вкруте и вяз переломишь; Бары кипарисовые, мужики вязовые – и гнутся, и тянутся.*

Негативной символикой русские люди наделили и осину. Они верили в то, что она является проклятым деревом. С помощью осины, согласно поверьям, изгоняли нечистую силу, она впитывала в себя всю негативную энергию. Отрицательная символика осины находит свое отражение и в паремиологических единицах: *Осина бьёт в ладоши; Одно проклятое дерево без ветра шумит; Дурной глаз на осину взглянет – осина завянет; Осина всё шепчется, а проклятое дерево; Горькая осина – Иудина виселица.*

Итак, концепт «Дерево» нашел отражение во многих пословицах и поговорках, что будет нами показано в таблице 2.

Таблица 2. Лексические средства вербализации концепта «Дерево»

	Лексе- ма	Значение, сим- волика	Количество				Всего	%
			Поговорок	%	Пословиц	%		
Дерево	Дерево 1	собственно растение	6	2%	21	7%	27	9%
	Дерево 2	внешний человек	5	2%	17	6%	22	8%
	Дерево 3	место обитания темных сил	0	0	5	2%	5	2%
	Дерево 4	Мировое Древо	1	0,5%	4	1,5%	5	2%
	Дерево 5	родственные связи (генеалогия)	4	2%	11	4%	15	6%
	Дерево 6	плодородие	3	1%	6	2%	9	3%
	Дерево 7	нравственный ориентир	2	1%	6	2%	8	3%
	Дерево 8	психологическое состояние	3	1%	5	2%	8	3%
номинация дерева	Дуб 1	сила, крепость	3	1%	16	6%	19	7%
	Дуб 2	глупость	2	1%	4	1,5%	6	2,5%
	Береза	любовь, светлые чувства	4	1,5%	12	4%	16	5,5%
	Липа 1	святое дерево	0	0	9	3%	9	3%
	Липа 2	обман	2	1%	5	2%	7	3%
	Яблоня	мать, жена	6	2%	34	11%	40	13%
	Ель	место обитания злых существ	3	1%	9	3%	12	4%

	Рябина	горющая женщина	1	0,5 %	11	3,5 %	12	4%
	Вяз	гибкость	0	0	2	1%	2	1%
	Осина	проклятое дерево	4	1,5 %	15	5%	19	6,5 %
	Всего		49	17%	247	83%	296	100 %

В процессе лингвокультурологического анализа концепта «Дерево» в русском языке нами было выявлено 296 паремий (49 поговорок и 247 пословиц), репрезентирующих данную ментальную единицу. Мы видим, что концепт «Дерево» также обладает многоуровневой структурой. Ядро данного концепта составляет собственно лексема *дерево*, у которой мы выделили как минимум восемь семантических подтекстов, которые раскрываются в 9,5% поговорок и 36% пословиц от общего числа выявленных паремий.

Ближайшими к ядру концепта мы назовем лексемы: *яблоня* – 2% поговорок и 11% пословиц, *дуб* – 2% поговорок и 9,5% пословиц, *осина* – 1,5% и 5% соответственно, *дуб* – 1,5% и 5%.

Таким образом, растительный мир может рассматриваться как одна из важнейших составляющих при реконструкции ментальной картины мира. Данный процесс требует обязательного анализа культурно значимых единиц, то есть концептов, который проводится на основе рассмотрения вербализующих их языковых единиц, в том числе и паремий. Пословицы и поговорки с лексемами, раскрывающими концепт «Дерево», являются очень важным элементом русской народной культуры, берущей истоки в языческих верованиях.

2.3. Паремии (пословицы и поговорки) как средство репрезентации концепта «Человек» в русской языковой картине мира

В современных научных исследованиях наблюдается тенденция к антропологизации объектов исследования, то есть к рассмотрению человека в качестве отправной точки целого ряда гуманитарных, общественных и есте-

ственнонаучных дисциплин. Современное языкознание все чаще обращается к проблеме человека и его связи с языком. По мнению Н.Д. Арутюновой, «путь к осмыслению человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки» [Арутюнова 1999: 324]. Особый исследовательский интерес вызывает рассмотрение способов вербализации концепта «Человек» различными средствами русского языка. Ещё В. фон Гумбольдт считал, что «человек для прояснения и облагораживания своей моральной природы должен тщательно и основательно изучать свою физическую природу» [Гумбольдт 2000: 144].

Прежде всего, следует рассмотреть историю изучения лингвистами концепта «Человек» в русском языке. *Человек* в русском языке мыслится как сложный объект действительности, наделённый многообразием внутренних качеств и чувств и способный вступать в самые разнообразные отношения с окружающими его реалиями. В.И. Даль определяет *человека* следующим образом: «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006г: 571].

Согласно определению «Словаря русского языка», *человек* – это «1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда.
2. Лицо, являющееся носителем каких-либо внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-либо среде, обществу» [Словарь русского языка 1988: 659]. Как мы видим, в данном определении раскрывается сразу две ипостаси *человека* – «внешний человек» и «внутренний человек». В целом, приведённые словарные дефиниции схожи выделением таких свойств человека, как наличие мышления, речи и разума. Обращаем внимание на следующие пословицы и поговорки: *Человек человека стоит; Не пуля, а человек человека из ружья убивает; Не место человека красит, человек – место.*

В некоторых пословицах и поговорках в качестве синонима к слову человек выступает *лицо*: *Наши лица не ходят в полицу – прямо в острог; Не велики лица, испейте и водицы.*

На втором месте по частотности употребления в пословицах и поговорках русского языка находится лексема *люди*, поэтому ее толкование мы тоже считаем необходимым для полноценного раскрытия структуры концепта «Человек». К примеру, *люди* по определению В.И. Даля – это «род человеческий, народ, мир, общество, всё и всяк» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006а: 287].

В четырехтомном «Словаре русского языка» выделены три значения слова *люди*: «1. Мн.ч. к *человек*; 2. Другие, посторонние лица (разг.); 3. Лица, используемые в каком-либо деле, кадры (прост.)» [Словарь русского языка 1986: 210]. Таким образом, данная лексема является многозначной и имеет стилистически окрашенные значения.

Данную лексему встречаем, например, в следующих поговорках: *С людьми советуйся, а своего ума не теряй; Люди мудренее, а годы голее; На свете не без добрых людей; И в бедах люди живут, а в неправде пропадают* и другие.

При выявлении лексем, репрезентирующих концепт «Человек», важно обратить внимание на лексему *народ*, обозначающую группу, состоящую из нескольких человек. Она имеет более неоднородное толкование. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим следующее определение *народа*: «Люд, народившийся на известном пространстве, люди вообще; язык, племя; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; множество людей, толпа» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006а: 465]. Данное определение является довольно обширным и характеризует указанную лексему с разнообразных сторон: биологической, социальной, политической и других. Рассмотрим следующие поговорки: *Земля народом сильна; Где власть народа, там по-*

беда и свобода; Народ – что бор дремучий: весь до корня не вырубишь; Солнце не померкнет – народ не сломится.

Близким понятием, обозначающим «временное массовое скопление людей» считаем *толпу*, которая тоже встречается в русских пословицах и поговорках (*В толпе одному вору просторно; Дураки толпами ходят; Двое – компания, трое уже толпа; Велика толпа, да некого послать*).

Толпе в семантическом плане противостоит *братство* как «содружество разных людей, объединенных общими интересами, целями, убеждениями» (*Доброе братство дороже всякого богатства; Доброе братство милее богатства; Залез в богатство - забыл и братство*).

Термин *коллектив* как «социальная общность людей, объединенных на основе общественно значимых целей» тоже не осталась в стороне от паремнологических единиц русского языка, к примеру, *В коллективе большая сила; Без коллектива и жизнь несчастлива; Нет предела силе человеческой, если эта сила — коллектив; Хорошая нива только у коллектива*.

Лексема *группа* вербализуется в русском языке только в одной пословице: *Люди – группами, голуби – парами*. Это обусловлено тем, что *группа* является семантическим двойником слова *коллектив*.

С предыдущими понятиями тесно соотносится понятие *общество* – «группа людей, обладающих общими интересами, ценностями и целями» (*Пьют да поют для общества, а едят да спят на себя; Общество не осино-вый кол, его не скоро сломишь*).

Если предыдущие понятия можно назвать искусственно созданными сообществами, то *компания* – это «добровольно сформировавшаяся группа лиц, объединенная общими интересами» (*Из крестьянства взять – от компании отстать; За компанию и жид удавился; Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает*). Данные паремии позволяют утверждать, что в некоторых случаях лексема *компания* символизирует тесные дружеские отношения.

. Для выявления национальной специфики концепта «Человек» необходимо обратиться к мифологическим воззрениям русского человека, рассмотреть его мировоззренческие особенности. Как правило, устное народное творчество в данном вопросе является самым ценным материалом для рассмотрения, так как в нем находят отражение самые ценные и самые типичные черты человека, принадлежащего к определенному социуму.

Р.И. Рогозина в одной из первых работ, посвященных исследованию концепта «Человек» на материале русского языка, определяет, что «содержание, вкладываемое носителями русского языка в слово «человек», значительно шире, чем те характеристики человека, которые выделяются в качестве главных в словарных и энциклопедических статьях. Узусные значения этого слова в текстах либо не фигурируют вообще, либо оттесняются на задний план» [Рогозина 1988: 52]. Расширение словарной дефиниции различными ментально-языковыми единицами является важнейшим признаком концептуализации.

Человек является субъектом сложных общественных отношений, поэтому всё, что выходит за рамки ассоциативного поля концепта «Человек» свободно может включаться в сферу индивидуального и имеет свойство называться личностью. Так Е.С. Кубрякова отмечает: «В человеке сочетается физическое, духовное и социальное; личность - совокупность духовных и социальных свойств человека» [Кубрякова 1999: 53-55].

Трудности при определении семантического поля концепта «Человек» обусловлены большим количеством вербализующих его языковых единиц. Н.Д. Арутюнова объясняет это следующим образом: «Человек – участник разных пьес, в каждой из которых он надевает особую маску – персону. Тексты задают много граней бытия. Соответственно, используются разные наименования человека» [Арутюнова 2003: 325-326]. Лексический ряд, номинирующий человека в русском языке, по утверждению отечественных лингвистов, включает около 15 тысяч единиц. В большинстве случаев семный состав этих слов включает национальные, возрастные, гендерные при-

знаки и другие. Выбирая в конкретной речевой ситуации ту или иную лексику для обозначения человека, мы воссоздаем не только некоторый фрагмент языковой картины мира, но касаемся и личностного образа мира. Поэтому паремиологические единицы русского языка считаются наиболее объективными при реконструкции концептосферы языка с точки зрения лингвокультурологии.

В современной лингвистике существует несколько наиболее разработанных подходов к описанию концепта «Человек». Наиболее полно разработана концепция «внутреннего человека», включающая подробное описание структуры внутреннего мира человека, его чувств (*На хорошего человека не вдруг наткнёшься; Человек два раза глуп живет: стар да мал; День меркнет ночью, а человек печалью; Хорошему человеку везде хорошо, а худому везде худо*). Этот подход считается дробным, так как он включает в себя несколько более узких концептов, например, «Душа», «Ум» и так далее (*Сердце душу бережёт и душу мутит; В чужую душу не влезешь; Чужая душа – потёмки; Человек с коротким умом обзаводится длинным языком*).

Концепция описания «внешнего человека» считается менее разработанной, так как лексемы данной категории в меньшей степени отражают ментальную сторону жизни русского человека (*Горбат, так виноват, да бог простит; Этот человек до дна масляи; Чем чуднее, тем моднее; На красавице всякая тряпка – шёлк*).

Различные лингвисты по-разному определяют круг лексем, репрезентирующих концепт «Человек». Например, Ю.Д. Апресян включает все многообразие слов различных частей речи, так или иначе относящихся к человеку и его жизнедеятельности. Ю.С. Степанов включал в данную группу только социально значимую лексику.

Анализируя паремиологический пласт русского языка, можно заметить, что для обозначения человека используются наименования окружающих его предметов (*От горшка два вершка; Видом сокол, а голосом ворона*).

Характерными способами описания человека можно назвать прием зооморфизма, при котором на человека проецируются признаки животных и растений (*Не будь овцой, а то волки съедят; Чем больше плодов на дереве, тем скромнее его ветки книзу клонятся; Душа согрешила, а спина виновата*). Чаще всего зооморфизмы наделяются дополнительной коннотацией, создавая аллегорические образы. Так *лиса*, скорее всего, будет изображена хитрой, услужливой, корыстной, *волк* – злым, грозным, а *пчела* – трудолюбивой, усердной и старательной (*Лисица семерых волков проведет; Лиса всегда сытей волка живет; Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит; Работа не волк – в лес не убежит; Допустили волка овец караулить; Одна пчела не много мёду натаскает*). Не всегда признак животного определяется однозначно, например, собака может обладать и положительной, и отрицательной коннотацией (*Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает* (о ворчливой жене); *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой* (о предателях); *Собака помнит, кто ее кормит* (о верности).

Также можно выделить перенос на человека отвлеченных понятий: жесткий, темный, пустой человек (*За пустую голову нету и ногам покою; Пустая голова – пустые дела; У кого голова тёмная, тому белый день чернее ночи*).

Для обозначения внешнего образа человека используется его сравнения с различными объектами растительного мира, то есть прием фитоморфизма: овощами, деревьями и т.д. (*Какова березка, такова и отростка; И иве, и тополю – свое; Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын; Гол, как осиновый кол; Кругла, как мытая репка*).

Паремии и с использованием зоонимов и фитонимов являются достаточно частотным явлением, этому способствует их внутренняя образность.

Мы видим, что паремиологический пласт русского языка не только репрезентирует реалии окружающей действительности, но и отражает особенности быта, условий жизни, культуры народа. Пословицы и поговорки являются довольно лаконичными, но, в свою очередь, достаточно ёмкими мен-

тальными единицами, что позволяет им раскрывать особенности человеческого мышления и его мировидения. Они являются воплощением морали и законов общества. Репрезентация концепта «Человек» в русской языковой картине мира может быть представлена в виде следующей таблицы (Таб.3).

Таблица 3. Лексические средства вербализации концепта «Человек»

	Лексема	Значение, символика	Количество				Всего	%
			Поговорок	%	Пословиц	%		
Человек	Человек 1	«внутренний человек»	8	2%	48	11%	56	13%
	Человек 2	«внешний человек»	6	2%	31	7%	37	9%
	Лицо	человек	0	0%	3	1%	3	1%
Объединения людей	Люди	множество человек	12	3%	72	17%	84	20%
	Народ	жители одной страны	8	2%	26	6%	34	8%
	Толпа	временное скопление людей	2	0,5%	7	1,5%	9	2%
	Группа	объединение нескольких человек	0	0%	1	0,5%	1	0,5%
	Общество	группа людей с общими целями	0	0%	2	0,5%	2	0,5%
	Братство	сплоченная группа людей	0	0%	5	1%	5	1%
	Компания	добровольное объединение лиц	1	0,5%	4	0,5%	5	1%
	Коллектив	социальная группа с общей целью	4	1%	11	3%	15	4%
Др. предметы	Зоонимы	животное = человек	11	3%	64	15%	75	18%
	Фитонимы	растение = человек	14	3%	53	13%	67	16%
	Предметы быта	предмет = человек	3	1%	15	4%	18	5%
	Отвлеченные понятия	жесткий, темный, пустой человек	2	0,5%	13	3,5%	15	4%
Всего:			71	17%	355	83%	426	100%

Как видим, концепт «Человек» является самым насыщенным в плане вербализации паремиологическими единицами русского языка (426 паремий), он представлен в 71 поговорке и 355 пословицах, что говорит о нём как об одной из самых значимых ментальных единиц. Таким образом, в ходе анализа лексем было выявлено семантическое ядро концепта «Человек» – концепция «внутреннего человека» (2% поговорок, 11% пословиц) и «внешнего человека» (2% поговорок, 7% пословиц), близлежащие семы – *люди, народ, жизнь*. Ближе всего к ядру концепта расположены лексем, обозначающие различные группировки человек: *люди* – 3% поговорок и 17% пословиц, *народ* – 2% поговорок, 6% пословиц, *коллектив* – 1% поговорок, 3% пословиц. Периферия концепта состоит из лексем, обозначающих человека имплицитно (черты характера, умственные признаки, зоонимы, фитонимы, сопоставление с предметами быта, отвлеченными понятиями и другие).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о многообразии смыслов, составляющих семантическое поле концепта «Человек» в русской языковой картине мира. Его семантическое поле составляют лексем, обозначающие:

- единственного человека (*человек, лицо*);
- объединения людей, совершенные по различным принципам и показателям (*люди, народ, толпа, группа* и другие);
- другие способы номинаций человека, основанные на соотношении с какими-либо предметами и реалиями окружающей действительности (*лисица, овца, яблонька, пустая голова* и подобные).

2.4. «Дом», «Дерево», «Человек» как концепты, составляющие ядро языкового сознания русского человека (на основе анализа ассоциативных словарей)

Главная функция любой культуры состоит в назывании всех предметов окружающей действительности. Именно так представители определенного

этноса адаптируются в окружающем мире, постигают свое место в нем. Именно так для представителей этноса формируется культурный образ мира. В процессе исторического развития образ мира может видоизменяться, но неизменными остаются лишь те ментальные единицы, которые принадлежат коллективному сознанию. Именно они являются понятными любому из представителей конкретной нации, их называют культурными концептами.

Совокупность культурных концептов составляют языковую картину мира, концептосферу, они дают представление о языковом сознании народа. Одним из методов изучения языковой картины мира является выделение ядра языкового сознания, то есть тех единиц ассоциативно-вербальных представлений, которые выявили наибольшее количество совпадений в реакциях на одни и те же слова-стимулы.

Данные «Славянского ассоциативного словаря» позволяют сделать вывод о том, что концепты «Дом», «Дерево», «Человек» являются ключевыми константами культуры не только русских, но и украинцев, белорусов, болгар, так как они имеют наибольшее число совпадений реакций у носителей каждой из указанных наций. «Так, совпадающими во всех четырех списках являются следующие слова: *жизнь, человек, любовь, радость, друг, счастье, добро, смерть, деньги, большой* – всего 10 (33,3%). Для белорусов же, русских и украинцев совпадений еще больше: *жизнь, человек, дом, любовь, дерево, хорошо, друг, счастье* – всего 8 слов – 80% [Славянский ассоциативный словарь 2004: 7].

Мы считаем необходимым рассмотреть ассоциативно-образные поля концептов «Дом», «Дерево», «Человек» на основании данных «Русского регионального ассоциативного словаря» (2014) и «Славянского ассоциативного словаря» (2004).

Слово-стимул *дом*, по статистике «Русского регионального ассоциативного словаря», вызвало 537 реакций. К самым частотным из них мы можем отнести: реакции *родной* (61), *семья* (43), *мама* (9), *родные* (3) – обозначают дом как семейный очаг, символизируют родственные связи; реакции

крепость (23), *квартира* (12), *жилье* (5), *жилище* (4), дача (2) – определяют дом как жилое помещение. Рассмотренная словарная статья подтверждает итоги проведенного нами лингвокультурологического анализа концепта «Дом» на основе паремиологических единиц: дом в русском менталитете воспринимается в двух равноправных значениях – как место проживания человека и как символ семейных отношений.

Сходными являются и реакции на стимул *дом* у русских, украинцев, белорусов и болгар. Например: у русских – родной (57), семья (47), большой (38), крепость (21), уют (19); у украинцев – рідний (59), великий (42), сім'я (22), родина (12), тепло (10); у белорусов – родны (48), вялікі (44), сям'я (27), крэпасць (19); у болгар – семейство (60), уют (45), крепост (39), роден (14), уютен (13), родина (5) и другие. Сходство реакций говорит о параллельном развитии культур, в котором дом значит как центральное организующее пространство понятие. Значит, и концепт «Дом» является для каждого народа значимой в культурном плане константой.

Стимул *дерево* тоже вызывает реакции, пересекающиеся с паремиологическими единицами русского языка. К примеру, реакции: дуб (58), жизни (47), береза (35), жизнь (18), яблоко (5), ель (4), семья (3), липа (2), осина (2), сосна (2), яблоня (2). Мы видим, что выявленные в ходе концептуального анализа смыслы находят отражение и в результатах ассоциативного эксперимента (*дерево* как символ жизни, родственных связей, Мировое древо). Также в ассоциативно-образном поле концепта «Дерево» выявлены все компоненты-номинации дерева, отраженные в паремиях.

Кроме того, важным считаем рассмотреть реакции на *дерево* в других славянских культурах. Например, у белорусов – дуб (61), лес (43), бяроза (24), жыцця (21), клён (10), сасна (9), яблыня (8), ліпа (3); у украинцев – зелене (63), життя (39), дуб (24), береза (10), яблуня (10), вишня (3), липа (3). Пересечение ассоциативных полей указывает на значимость «Дерева» как особого лингвокультурного кода для носителей каждого из языков.

Среди самых частотных реакций на слово-стимул *человек* является его соотнесение с представителями животного мира, зверем. Например, у русских: *животное* – 25 реакций, *зверь* – 12; у украинцев: *тварина* – 13, *звір* – 11; у белорусов: *жывёла* – 26, *звер* – 13; у болгар: *животно* – 35. Данные реакции подтверждают выводы, сделанные на основе анализа паремиологических репрезентаций концепта «Человек», где зооморфные представления о человеке отразились в 18% паремий.

Необходимо отметить тот факт, что во всех культурах человек соотносится больше с мужчиной, нежели с женщиной: «у испытуемых-белорусов на слово-стимул *человек* реакция *мужчина* появляется 27 раз, а реакция *жанчина* только 3 раза; у испытуемых-болгар реакция *мъж* – 19 раз, *жена* – 5; у русских реакция *мужчина* имеет частоту 12, *женщина* вообще отсутствует; у испытуемых-украинцев реакция *чоловік* появилась 5 раз, а реакция *жінка* — 1 раз [Славянский ассоциативный словарь 2004: 8].

Человек в каждой из представленных культур значителен в большей мере как положительное лицо. Об этом говорят преимущественные реакции: *умный, хороший, друг, разумный* – у русских; *добры, разумны* – у белорусов; *добръ, приятел* – у болгар; *добра, гарна, чесна* – у украинцев.

Данные «Русского ассоциативного словаря» позволяют сделать следующий вывод: «в русском языковом сознании *человек* воспринимается, в большей мере, сквозь призму положительных качеств» [Русский региональный ассоциативный словарь 2014а: 269]. Об этом свидетельствуют реакции: *разумный* (41), *хороший* (14), *добрый* (13), *умный* (11), *красивый* (7), *друг* (6) и другие. Среди отрицательных реакция выделяем: *глупый* (3), *тупой* (2), *глупый* (2), *злой* (1), *страшный* (1). Мы видим явный перевес в пользу положительных признаков. Кроме того, данная черта присуща всем четырем рассматриваемым культурам.

Учитывая множественные совпадения слов-реакций на стимулы *дом, дерево, человек*, можно сделать вывод о пересечении ментальных и языковых картин мира русских, украинцев, белорусов и болгар. Это можно объяснить

общностью происхождения, истории, религии, схожестью языковых изменений, происходивших в процессе развития языков.

Выводы по главе 2

Концепт – ментальная единица, устойчивая во времени и обусловленная историческими и социальными процессами и изменениями. Это такой конструкт картины мира, который несет в себе знания о народе, его способах мышления, культурном развитии. Он строится на множестве ассоциативных образов, понятных всем носителям того или иного языка, он репрезентирует языковую картину мира в рамках определенной культурной традиции.

Нами был произведен лингвокультурологический анализ лексических и паремиологических репрезентантов концептов «Дом», «Дерево», «Человек», на основании чего правомерно сделать вывод о том, что данные концепты являются «ключевыми константами культуры»: как в коллективном сознании русских, так и в сознании каждого отдельно взятого человека возникают множественные реакции при использовании в качестве стимулов данных лексем.

Концепт «Дом» является многоуровневым образованием, то есть в русской языковой картине мира он репрезентируется в нескольких семантических планах: дом рассматривается как собственно жилище человека (*Держись друга старого, а дома нового*), как совокупность множества лексем, номинирующих жилое пространство (*Залетела ворона в царские хоромы: по чету много, а полету нет*), и как символ семейных отношений (*Бегают от дому, будто чёрт от грому*).

Концепт «Дерево» имеет еще более сложную структуру. Его семантическое ядро, выраженное собственно лексемой *дом*, в паремиологическом пласте русского языка выражает не менее восьми смыслов: собственно растение (*Как ни гнети дерево, оно все вверх растет*), внешний облик человека (*Дерево стало кривым, когда было молодым*), воплощение греховной и пра-

ведной жизни (*Из одного дерева икона и лопата*), прообраз Мирового Древа как источника жизни (*Дерево не погибнет, если корни здоровы*), родственные связи (*Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын*), плодородие (*Знать дерево по его плоду*), нравственный ориентир (*От одного порченого яблока целый воз загнивает*), психологическое состояние (*Не от добра дерево листья роняет*). Помимо этого, в состав семантического поля концепта входят компоненты, номинирующие различные типы деревьев и качества, которые им приписываются (*С одного удара дуба не свалишь; Берёза не угроза, где стоит, там и шумит*).

При анализе триады «Дом-дерево-человек» с психологической точки установлено, что человек является самым сложным и значимым образом, объединяющим данные концепты в единый лингвокультурологический комплекс. Проведенный нами лингвокультурологический анализ показал, что с точки зрения вербализации паремиологическими единицами «Человек» является также самым объемным и многоуровневым из трех отобранных нами концептов. Ядро концепта составляет собственно лексема *человек*, обозначающая внешние черты, физиологические данные, а также внутренний мир человека, его психологические свойства и качества (*Горбат, так виноват, да бог простит; Хорошему человеку везде хорошо, а худому везде худо*). Центральными понятиями концепта считаем номинации объединения людей в группы по различным признакам (*Пьют да поют для общества, а едят да спят на себя*). Периферия концепта «Человек» образуется номинациями предметов, соотносимых с человеком по каким-либо признакам: зоонимы, фитонимы, отвлеченные предметы и другие (*Лиса всегда сытей волка живет*).

С точки зрения межкультурной коммуникации концепты «Дом», «Дерево», «Человек» тоже являются значимыми. Мы рассмотрели ассоциации, возникающие на данные стимульные слова у русских, украинцев, белорусов и болгар и пришли к выводу, что данные ментальные единицы в указанных

этнoсах развивались параллельно, что, вероятно, связано с общностью языка-предка, истории, вероисповедания, этнокультурной картины мира в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XIX-XX веков в лингвистике возникает новое научное направление – антропоцентризм, трактующее все лингвистические процессы сквозь призму «языковой личности», то есть личности активно участвующей в речемыслительной деятельности, организуемой посредством языка. В этот же период на стыке нескольких областей научного знания возникает новая единица – концепт. Впервые в лингвистику термин концепт был введен в 1928 году. С тех пор в лингвистике возникло множество подходов к его пониманию и анализу. К наиболее известным и структурированным мы отнесем следующие: когнитивный, рассматривающий языковые процессы от индивидуального мыслительного процесса к языковой картине мира, и лингвокультурологический, идущий в направлении анализа от национального культурного сознания к индивидуальной мыслительной деятельности.

В рамках когнитивной лингвистики концепт понимается как минимальная когнитивная (или мыслительная) единица, определяющая становление и дальнейшее развитие языковой картины мира, то есть развитие языка, и, как следствие, культуры его носителей напрямую зависит от особенностей протекания их познавательных процессов. К основным представителям данного подхода традиционно относят Е.С. Кубрякову, И.А. Стернина, З.Д. Попову, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телию и других. Они определяют, что любое общество, объединенное одним языком и культурой, способно создавать языковую картину мира, под которой они понимают особое представление об окружающем мире, зафиксированное языковыми единицами различного уровня. Другими словами, это образ мира, отражённый в языке народа, продукт взаимодействия мышления и языка.

Другим подходом к изучению концепта как сложного междисциплинарного образования принято считать лингвокультурологический. С точки зрения взаимодействия языка и мышления, лингвокультурологи занимают

абсолютно полярную позицию. Сторонниками данного подхода считаются Д.С. Лихачев, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, С.А. Кошарная и другие. Они рассматривают язык и культурный опыт народа как категории, определяющие развитие мыслительных процессов личности, то есть, человек воспринимает мир с помощью тех понятий, которые сложились на определенной территории в ходе многовекового накопления опыта. Таким образом, под концептом они понимают ментальную единицу, с помощью которой человек воспринимает культуру, влияет на неё. Они рассматривают концепты как «ключевые константы культуры». Такое понимание концепта наделяет его признаками универсальности и общедоступности для носителей конкретного языка. Языковая картина мира в рамках данного подхода включает многообразие культурно значимых единиц языка, вербализующих концепты.

В рамках данного подхода для анализа концептов как сложных многоуровневых ментальных единиц интересным материалом является паремиологический фонд языка, так как он обладает значительной консервативностью и структурностью.

В лингвистической науке сформировались два подхода к рассмотрению паремиологического фонда. Первое направление (Европа, Россия) направлено на изучение «внутренней формы» пословиц и поговорок, то есть на анализ их структуры и семантики. Второе (США, Великобритания) – занимается подробным изучением коммуникативной и социологической функций паремий.

В рамках данных подходов в разные периоды сложились такие направления исследования паремий, как разграничение жанров пословицы, поговорки и пословично-поговорочных выражений, изучение их трансформаций в ходе развития культуры и языка, сопоставительный анализ паремиологических единиц разных языков, реконструкция языковой картины мира с помощью паремий и другие.

Перед тем рассмотрением репрезентации концептов «Дом», «Дерево», «Человек» паремиологическими единицами, мы определили, что современ-

ные лингвисты понимают под терминами «паремия», «пословица», «поговорка».

Лингвисты определяют паремию как афористическое высказывание народного происхождения (пословица, поговорка, потешка и др.), которые обладают относительно устойчивыми во времени структурой и дидактической семантикой. Пословица является конкретным жанром паремиологического фонда и определяется следующим образом: краткое меткое поучительное афористическое изречение, обладающее художественной оформленностью и синтаксической самостоятельностью, воспринимаемое в буквальном или переносном значении. Поговорка не способна нести в себе иносказательный смысл, поэтому её относят к полуафористическому жанру и приписывают ей фразеологический статус.

Необходимо отметить, что выбранная нами концептуальная триада «Дом», «Дерево», «Человек» является значимой не только в плане проведения лингвистических исследований, но и интересна для использования практикующими психологами. Так, вышеуказанные образы-символы легли в основу популярной проективной рисуночной методики «Дом-дерево-человек», позволяющей изучить уровень развития личности и выявить отклонения в ряде других симптомокомплексов (повышенная тревожность, конфликтность и другие). Изображение тестируемым каждого из этих образов вызывает сильные личностные реакции, которые можно анализировать на основе как рисуночного этапа тестирования, как вербального. При описании рисунков испытуемые довольно часто раскрывают глубинные реакции на рисункостимулы, скрытые в сознании.

Анализируя ассоциации и реакции отдельно взятой личности, мы можем прийти к более широкому понятию – коллективному сознанию, в котором скрыты вербальные и невербальные смыслы данных образов. Невербальные смыслы можно вычленить путем психологического анализа, а вербальные – методом лингвокультурологического.

Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью проведения лингвокультурологического анализа концептов «Дом», «Дерево», «Человек» для полноценного понимания смыслов, заложенных данными образами в коллективном и индивидуальном сознании человека. Наиболее целесообразно проводить реконструкцию данных концептов на основе данных паремиологического фонда русского языка, так как поговорки считаются сгустками культурного опыта и обладают сравнительно устойчивой семантикой.

Полноценное освоение человеком окружающего мира началось с постройки жилья, которое стало отправной точкой в его пространственной ориентации. Традиционно на Руси сложилось множество типов жилых построек, что объясняется различиями в природном окружении и социальном статусе. Отсюда возникло и множество лексем, используемых для обозначения жилых помещений. Структура концепта «Дом», выведенная путем анализа паремиологического пласта русского языка, представлена следующим образом: ядро концепта составляет собственно лексема *дом*, обозначающая «жилое здание, строение» (данное значение отражено в 23% исследованных поговорок); базовый слой концепта составляет лексема *дом*, используемая в значении «семья» (20% поговорок), а также слова *изба* (16%), *терем* (11%), *хата* (8%); периферия включает менее частотные номинации жилья (*сруб*, *палаты*, *хоромы*, *усадьба*, *халупа* и другие). Необходимо обратить внимание на тот факт, что номинации современных жилых построек (*апартаменты*, *коттедж*, *небоскреб*, *таунхаус*) не находят отражения в паремиологическом пласте русского языка, что говорит о более медленном наполнении этого пласта новыми единицами по сравнению с лексическим.

Дерево в культуре русского человека всегда было наполнено мифологическим, метафорическим и религиозным смыслами, поэтому концепт «Дерево» с точки зрения культурологии тоже является довольно значимой ментальной единицей. Концепт «Дерево» тоже обладает сложной структурой: ядро составляет лексема *дерево*, символизирующая внешний и внутренний образы человека (значение вербализуется в 17 % поговорок); базовый слой со-

ставляют второстепенные семантические реализации данной лексемы (символ родственных связей – 6% паремий, символ плодородия – 3%, символ Мирового Древа – 2% и другие); периферию составляют типологические обозначения деревьев, свойственные русской культуре (*дуб, береза, осина, яблоня, липа, сосна*). Мы видим, что растительный мир вполне справедливо может рассматриваться как одна из важнейших составляющих при реконструкции ментальной картины мира, так как концепт «Дерево» вербализуется практически 300 паремиями.

Человек в русской культуре мыслится как сложный объект действительности, наделённый многообразием внутренних и внешних признаков и способный вступать разнообразные отношения с предметами окружающей действительности. Поэтому вполне закономерной считается концептуализация данного понятия, так как человек является неотъемлемой частью культурной жизни. Концепт «Человек» обладает наиболее сложной структурой по сравнению с концептами «Дом» и «Дерево», так как многие лексемы, составляющие его семантическое поле обладают сходным значением, некоторые выражены имплицитно или проявляются метафорически. Концепт вербализуют 456 паремий, которые образуют его сложную структуру: ядро включает собственно лексему человек, обозначающую его внутренний и внешний облик (23% паремий); базовый слой включает номинации, обозначающие объединения людей различного рода (люди – 20%, народ – 8 %, коллектив – 4%, толпа – 2%); периферия концепта строится на метафорическом обозначении человека различными реалиями окружающего мира (в данную категорию входят (зоонимы – 18%, фитонимы – 16% и другие).

Анализ статей «Русского регионального ассоциативного словаря» и «Славянского ассоциативного словаря» приводит к выводу, что концепты «Дом», «Дерево», «Человек» являются ключевыми ментальными единицами не только русских, но и украинцев, белорусов, болгар, так как они имеют наибольшее число совпадений реакций у носителей каждой из указанных

наций. Это говорит о параллельном развитии культур, обусловленном исторической общностью праязыка и истории этносов.

Проведенное нами диссертационное исследование не является исчерпывающим. В перспективе его можно продолжить, включив систему концептов «Дом», «Дерево», «Человек» в более широкий концепт «Жизнь», так как анализ закрепленных в словарях ассоциаций в рамках указанной концептуальной системы выявил достаточно большое количество реакций, так или иначе связанных со словом *жизнь*. Это говорит о наделении концептов «Дом», «Дерево», «Человек» символикой жизни, что служит еще одним основанием для осмысления триады «Дом» – «Дерево» – «Человек» как лингвокультурологического концептуального комплекса.